

ЛАРИСА ТЕПЛЯКОВА

тайное и явное
в жизни женщины

Н
Ю
РОМАН
Н
С

Лариса Теплякова

**Тайное и явное в
жизни женщины**

«Написано пером»

2016

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Теплякова Л. Ю.

Тайное и явное в жизни женщины / Л. Ю. Теплякова —
«Написано пером», 2016

ISBN 978-5-00071-595-6

У Анны есть всё, о чём мечтают женщины – благополучие, интересная работа, муж и дочь. Но один телефонный звонок всколыхнул комфортный мирок. Голос человека, которого она безоглядно любила в юности, вызвал смятение. Жизнь жестоко развела их 20 лет назад. Может ли свидание с бывшим возлюбленным изменить устоявшуюся жизнь? Это роман-откровение, книга для тех, кто способен совершить головокружительный прыжок в собственное прошлое.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00071-595-6

© Теплякова Л. Ю., 2016
© Написано пером, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лариса Теплякова

Тайное и явное в жизни женщины

*В любви мелочей не бывает,
Всё тайного смысла полно....*
(А.Дементьев)

<http://www.liteo.ru/>

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-00071-595-6

© Л. Ю. Теплякова, 2016

© Издательство «Литео», 2016

Глава 1

День всех влюблённых

Спросонок, на излете ночных видений, мне вдруг отчетливо подумалось: «Совсем не умею жить без мужчины. Просторная кровать для меня одной слишком велика».

Потом раздался звонкий возглас моей дочери Марии:

– Доброе утро, мамочка! Поздравляю тебя с праздником!

Пришлось разлепить глаза.

– А что отмечаем? – сонно поинтересовалась я.

– День всех влюбленных! – выпалила Маша. – День святого Валентина, а он покровительствует влюбленным!

– Да, что-то такое слышала, – ответила я, и села в постели, опершись на подушки.

– Вот тебе от меня маленький утренний сюрприз! – провозгласила Маша. – Кофе в постель и твой любимый горький шоколад!

Я люблю утро за ощущение свежести и новизны. Я обожаю крепкий черный кофе. У него манящий запах, и какая-то мистическая тайна во вкусе. Я души не чаю в своей дочери, как и всякая нормальная мать. Одним словом, я растроганно протянула руки навстречу. Маша порывисто шагнула ко мне и... И уронила чашку прямо на кровать. По розовому сатину пододеяльника поплыло ароматное темно-коричневое пятно. Сюрприз обернулся курьёзом.

– Ой, мам! – смутилась дочь и затихла, как провинившийся ребёнок.

Мария поникла. Лицо её сконфуженно вытянулось, а губы слегка задрожали. Хотела-то как лучше...

– Вот уж точно – кофе в постель! Хорошо, что чашка маленькая! – рассмеялась я, выправляя Машкину неловкость. – Не горюй, дочь, сейчас мы просто сменим белье. В праздник – самый резон. Впрочем, я и без тебя справлюсь. А кому-то, кажется, давно пора в институт!

Мне и, правда, стало весело. Внутри зыграло озорное чувство. Вскоре пододеяльник был сброшен на пол, а за ним, как поверженные знамёна, полетели наволочки и простыня. Я кружила вокруг двуспальной кровати, стелила свежее белье, расправляла складочки, и мне было безотчетно хорошо. Февральский день забурлил, закрутился. Он уже мне нравился.

...Но в тот момент я даже не предполагала, какие тайные и явные сюрпризы ещё поджидали меня впереди.

Мария собиралась на занятия. Она уже опоздала, но всё вертелась перед большим зеркалом в прихожей, что-то меняя в причёске и быстро перемеряя блузки одну за другой. Свои волнистые волосы она то собирала в хвост, то вольно распускала по худеньким плечикам, то жёстко закалывала в виде целомудренной ракушки. На мой взгляд, ей шло всё. Каблучки, юбочка, талия, счастливые глаза, вздёрнутый носик, облачко волос. Подросший ангел. Женщина-ребёнок. Девушка в ожидании праздника.

Я вообще не понимаю, красива моя дочь или нет. Я вижу, как она свежа и изящна, будто тонконогое весеннее деревце в цвету.

– Маша, ты сегодня как дикарка, которая впервые увидела зеркало! – я подстегнула нерадивое дитя строгим тоном. – Ну-ка, марш на учёбу!

– Mam, сегодня же день всех влюблённых! – с восторгом ответила она, игнорируя мою требовательность. – Вечером в институте намечается дискотека, а днём все будут валентинки

дарить. В гардеробной даже столы специально поставили – для открыток и записок. Для тех, кто не решается подойти лично. Мне могут написать тайные поклонники! Так прикольно! Представляешь?

– Не очень, – уклончиво сказала я. – Обычно женщина чувствует, кому она симпатична.

– Я с тобой согласна, – заявила дочь тоном светской львицы. – Но в жизни всегда есть место чудесам. И я их не исключаю.

– Безусловно, – мягким, вкрадчивым голосом я выразила согласие, а сама насторожилась. Каких чудес ожидала Машка?

С долей здоровой самоиронии я опекала дочь исподволь, без унижительных допросов и грубого вмешательства в её дела. Я исполняла роль современной, демократичной мамы, но старательно составляла мозаичную картину Машкиного бытия: по обрывкам фраз, обмолвкам, по настроению, по жестам, по книгам и журналам в её комнате, по фотографиям и голосам звонивших ей приятелей. Я даже копалась в грязном белье в прямом смысле этого выражения – перед каждой стиркой. Ведь всякое бледное пятнышко могло рассказать свою предысторию.

Мне не было зазорно. Я мать.

Я не обижала Марию подозрительными намёками, но с годами усиливала свою бдительность. Маленькие детки творят маленькие бедки, а большие детки могут сотворить и бедки соответственные. У меня имелся собственный опыт, настоящий как тягучий вермут, на полынной горечи разочарований, острой боли, сладкой лжи и розовых мечтах. Я ещё не стара, мне не так много лет, но знаю и помню я уже немало.

Машке пока всё оборачивалось во благо: я подстилала ей соломки повсюду.

– Мам! – голос дочери звенел, как колокольчик. – Жаль, что папа в командировке, да? Вы бы тоже отметили день влюблённых, а то ведь я на ужин не приду...

– Я уже догадалась об этом.

– Вернусь поздно, но ты не волнуйся! Так жаль, что ты болеешь! Сходила бы куда-нибудь, развеялась!

Машка оживлённо щебетала и порхала, адресуя мне молодое, снисходительное сочувствие, а в моём мозгу уже всплыло вычитанное где-то высказывание Марины Цветаевой: **дети сначала любят, потом судят, потом жалеют своих родителей.** Машка меня уже жалела! Возможно ли проскочить вторую стадию отношений – суд своих детей? Мы общались с дочерью легко, непринуждённо, как две подружки, но как знать, что ждало впереди?

– Мам! – Машка легкокрылой птахой подлетела ближе и выпалила на одном дыхании. – А вот скажи, может у женщины быть 100 мужчин?

– Мужской гарем что ли? – усмехнулась я. – Как-то экзотично.

– Ну, нет, не сразу, а по жизни... – смущённо замурлыкала Мария, становясь пунцовой.

– Всё зависит от самой женщины и от её жизненного кредо, – ответила я. – А чем вызван такой жгучий интерес?

– Понимаешь, у моей одноклассницы есть знакомая. Ну, она красивенькая такая, шустрая, и ей лет под тридцать. Она переводчица, часто сопровождает иностранцев в поездках и на всяких тусовках. Она похвастала ей в разговоре, что имела не менее ста мужчин. Представляешь? Мы поспорили, врёт она или нет. Я сказала, что спрошу у тебя. Девчонки мне не поверили. Говорят, у матери такое не спрашивают!

– В общем, ты проводишь опрос зрелых дам. Спасибо за доверие, но едва ли я могу считаться экспертом в таких делах, – я улыбнулась дочери, изо всех сил стараясь не казаться стареющей ханжой. – Главное в любви не количество, а качество. Любить-то 100 человек

она не могла! Душа лопнет от натуги! А без любви, без эмоций, какое удовольствие? Одни проблемы, доченька. Как предохраниться от беременности, от СПИДа, от других болезней? Одни хлопоты – и больше ничего. Если она не проститутка, если ей никто из сотни не пришёлся по душе, то мне жаль эту вашу рисковую переводчицу. Мечется женщина по жизни, а места своего найти не может. Так и передай подругам. И, скорее всего, цифра сто – просто фигура речи. Сто дорог, сто друзей, сто рублей. Вместо слова «много». Ты меня понимаешь?

Я ответила, а сама обеспокоилась, не слишком ли назидательно получилось. Прямо лекция по борьбе со СПИДом! Как же трудно толковать со своим ребёнком о подобных делах! Так и съезжаешь на нравоучения!

Впрочем, Мария быстро откликнулась:

– Вполне понимаю! Я убедилась, что моей мамулечке не страшно говорить обо всём! Ты только ничего такого не подумай про меня, ладно?

– Ну, конечно! Ты-то тут при чём? – с притворной лёгкостью отмахнулась я. – Чаще всего, доченька, только своей мамулечке и можно доверять в самых щекотливых ситуациях. Я сама всегда так делала в твоём возрасте. Спроси у бабушки Вали. Ладно, иди уже, а то все твои записки прикарманит другая девица! Останешься без поклонников. Расхватают, кто расторопней.

– Да, побегу, – спохватилась Маша. – Первую лекцию уже точно пропустила! Ладно, у Настьки спишу!

Машка быстро натягивала шубку, пристраивала на голове шапку, а я смотрела на взрослеющую дочь и пыталась постичь, чем был вызван её вопрос. То ли простое девичье любопытство, то ли отзвук каких-то событий в её среде обитания. У меня в юности чётко работал внутренний дозиметр, который контролировал порции откровения. Я всегда опасалась не наказаний, а огорчения своей дорогой мамы. Машкин дозиметр, похоже, заклинило. Озадачила доченька, подкинула информацию к размышлению. Ведь возраст-то самый взрывоопасный! Хочется всего и сразу. Можно не выдержать накала страстей, вспыхнуть и сгореть, как спичка. На то я и мать, чтобы предупредить возгорание.

– Ещё раз тебя с праздником святого Валентина, мамочка! – сказала Маша напоследок. Она чмокнула меня на пороге и дробно застучала каблучками по подъезду.

Как-то незаметно внедрился у нас этот иноземный праздник, который так окрылил мою Марию. День влюбленных. Конечно, о чём же ещё грезить в её возрасте, как не о любви? На календаре обычное число, не выделенное красным цветом, а наши дети забавляются валентинками. Так мы когда-то обменивались тайными записочками. Наша игра называлась просто – почта. Писали мы на обычных тетрадных листках, а они покупают нарядные открытки в виде алых сердечек. Всё течёт, всё изменяется, но предчувствие весны и любви вечно.

В тот день я никуда не спешила: поправлялась после банального бронхита. На дворе стоял выжженный февраль – вот где-то меня и продуло. Валентинок я не ждала. Тайных поклонников у меня не водилось, а мой муж вообще не мастер сюрпризов. Он с облегчением отдаст мне всю зарплату с дивидендами, пропылесосит квартиру, но подписывать открытки и бегать за подарками не станет. Даже когда мой Юра в чём-то виноват, он не просит у меня прощения с букетом цветов в руках. Мой муж затевает какое-нибудь полезное для хозяйства дело. Юра искупает обиду действием. В словах он не силен, и подарки выбирать без меня не умеет. Я давно уже с этим смирилась – не самый худший мужской недостаток. Я принимаю от него другие знаки любви...

...Первый знак мужского внимания я получила ещё в детском саду от мальчика по фамилии Фёдоров. Он сам вырезал цветочки из цветной бумаги и наклеил их на картон.

Самодельную открытку вместе с шоколадкой он преподнёс в день моего пятилетия. Это было ново для всей группы, смело для него и волнующе для меня.

Так я познала влюблённость. Я нравилась мальчику, он – мне. Мы трепетно обожали друг друга и старательно проявляли свои лучшие качества. Родители всё знали, их это устраивало: нами было легко управлять. Стоило сделать моему поклоннику замечание типа «фу, как некрасиво, что подумает Анечка?», как он устремлялся к совершенству всем своим существом. То же происходило и со мной.

У нас была своя тайна, достаточно интимная для наших лет. У Фёдорова на левой руке рос шестой пальчик рядом с большим. Этот лишний отросток не уродовал руку, а выглядел вполне аккуратно, но всё же мальчик обычно прятал его в сжатом кулачке. Всем хотелось посмотреть на диковинку, даже воспитателям из других групп, но только мне доверял он погладить свой странный палец-малютку.

У меня тоже есть забавный изъян. На стопах обеих ног второй палец слегка накладывается на первый, словно они стремятся шаловливо поменяться местами. Курьёзные казусы с конечностями сближали нас и составляли общий секрет. Мы часто прятались в кустах во время прогулок и осторожно разглядывали свои ножки и ручки. Сказывалось естественное детское любопытство.

Я начисто забыла имя замечательного шестипалого мальчика, но в памяти осталась его фамилия и первое яркое ощущение своей иной половой принадлежности. Женской сути.

Трогательная история закончилась ничем. Наша семья переехала в другой район. Я грустила недолго. Огорчения стёрлись новыми впечатлениями. Детская память короткая, фрагментарная, узорчатая.

Воспитателям удобнее было называть нас по фамилиям, потому я и не могла вспомнить имя своего дружка. Пожалуй, оно было весьма типичным для того времени. Сережа, Вова, Андрей, Слава. Я хорошо представляла его белую рубашечку, отглаженные штанишки с помочами, короткую чёлочку на лбу и под ней серые внимательные глаза. Милый человечек мелькнул в моей жизни, но успел подарить мне чувство женской исключительности и интереса к себе самой...

Мои раздумчивые экскурсии в детство прервались звонком в дверь. Пришла Марина. Она – моя соседка и подруга. Или наоборот – подруга и соседка. В таком порядке мне больше нравится.

Марина с утра несла миру какую-то восточную философию, заложенную в замысловатый рисунок её платья, привезённого прошлым летом из Таиланда. Стильные заколки и причудливые серьги из настоящих ракушек дополняли наряд. На круглом личике – минимум косметики. На ногах – сабо, в руках – плетёный лоток из ивовой лозы. Моя подруга с юных лет умела создать чарующий облик буквально из подручных мелочей.

Браво, Марина! Казалось, что она только что вернулась с прогулки вдоль берега моря, и собирала там диковинные раковины, а не топталась на кухне у плиты. Мой тёплый махровый халат и вязаные носки выглядели тривиально рядом с таким гламуром.

– У тебя лук репчатый есть? – просто, по-соседски спросила Марина.

Лук у меня был. Я выбрала ей самые крупные, золотистые головки, и в корзинке сразу образовался настоящий натюрморт. Вокруг Марины все бытовые вещи неизменно наполнялись особым художественным содержанием.

Марина обхватила лоток женственным округлым движением руки, прижала к себе над бедром. Лёгкая ткань расписного широкого рукава мягко и лениво сползла, обнажая локоток. Просто мадонна во всей своей зрелой красе!

Маринин муж Коля всегда смотрел на неё с придыханием и плохо скрытым восторгом, хотя жил с ней лет восемнадцать-девятнадцать и воспитывал троих детей. Моя домови-

тая подруга была несуетлива, но непредсказуема и затейлива. Я уверена, что в супружеской постели она легко изобразит хоть одалиску с картины Доминика Энгра, хоть женщину-сюр в стиле эпатажного Сальвадора Дали. Для таких прихотливых интимных игр необходимо иметь богатое воображение и незаурядные познания в эротической живописи. Марина обладала и тем и другим.

– Как здоровье? – спросила она.

– Уже лучше, спасибо.

– А я думаю, дай зайду, вдруг ты ещё не убежала в офис. И правильно, отдохни дома, не торопись пахать на работе, – одобрила Марина. – Хороший сон – главное средство в нашем нелёгком деле сохранения красоты и здоровья. Отлежись.

– Ты права, моя дорогая.

– Мои все разбежались из дому, кто куда. Юлька опять поздно вернётся, на ночную дискотеку поедет. Праздник сегодня, оказывается. Теперь все танцы только по ночам! – посетовала моя подруга. – Опять не спи, жди её! А попробуй не пустить! Нет, у нас так раньше не было! Все танцы в двадцать три ноль-ноль заканчивались. Верно, я говорю, Ань?

– Да! – охотно согласилась я. – Родителям сейчас одни волнения. У нас пока Мария возвращается до полуночи, но, чувствую, скоро потребует расширить временные рамки. Готовлюсь к боям местного значения.

– У тебя одна дочь, а у меня-то трое деточек! Иногда с балкона на балкон с Колей бегаем, высматриваем! Наш Сашка уже влюбился, с какой-то девчушкой гуляет, а Юлька по клубам пляшет!

– Вчера твоя Юлька к Машке заходила, – сообщила я. – Я залюбовалась! Такая пластичная, стройная! Годы занятий в танцевальной студии не прошли даром.

– А то! В стужу и дожди не ленились водить девочку! Наловчилась в студии, в клубах теперь зажигает!

– Красавица выросла – ни убавить, ни прибавить! – польстила я.

– Дерзкая стала в последнее время! Ты ей слово, а она тебе десять! Я просто иногда теряюсь, – досадливо призналась Марина. – Нет, мы такие не были! Скажешь, не правда?

Мы, не сговариваясь, переглянулись и весело, от всей души, расхохотались. Совсем, как прежде, в юности.

Глава 2

Смятение

Мы насмеялись с подругой вдоволь. Объяснений не требовалось – мы так много знали друг о друге!

– Заходи ко мне через пару-тройку часиков, – пригласила Марина. – Обедом накормлю. Ты, наверно, без мужа на овсянке и твороге?

– Йогурты и бананы, кефир и зелёный чай, – огласила я своё «холостое» меню.

– Хватит поститься! – возмутилась Марина. – Скоро просвечивать будешь! Приходи, поешь нормально. Тебе вина красного можно?

– Даже нужно! – я с живостью откликнулась на предложение подруги.

– Настоящим глинтвейном угощу! С пряностями! Все болезни как рукой снимет! – пообещала моя дорогая затейница. – Жду!

После ухода Марины я взялась приводить себя в надлежащий вид. Я не собиралась особенно изощряться, но освежить лицо и уложить волосы мне было просто необходимо.

Сквозь жужжание фена послышался телефонный звонок. Я мигом нажала кнопку переключателя и прислушалась. Телефон требовательно трезвонил, я кому-то понадобилась, и этот кто-то проявлял упорство.

Звонок сразу показался мне нерядовым. Я интуитивно ощутила какую-то роковую особенность в этой настойчивой трели. Мысли замельтешили, опережая телефонные сигналы: я быстро перебирала в уме все возможные варианты. Секунда, другая, и я откликнулась на вызов:

– Алло!

– Здравствуй! – раздался мужской голос.

Всего-то одно слово, обычное приветствие, но сказанное с такой энергией радости, что я ощутила лёгкую вибрацию во всём теле. Мой ослабевший организм был уязвим.

– Вам кого? – спросила я. – Вы не ошиблись?

– Как хорошо, что я сразу на тебя попал, Анюта! – заявил мой собеседник. – Мне тебя и только тебя! Не узнала меня? Как поживаешь, журавлик?

Журавликом меня называл только один человек, и это был очень давно... В голове застучали молоточки памяти. Сделалось душно и жарко.

– Олечка, это ты? – догадалась я. – Ты откуда?

– Оттуда! – весело усмехнулся он. – Да нет, я здесь, дома. Почти год, как я вернулся в родные края! Не хотел тебя беспокоить, но так тянуло! А вот сегодня решил позвонить! День особенный. Праздник такой интересный придумали – день всех влюбленных! Ты в курсе?

– Не придумали, а переняли за границей... – рассеянно поправила я.

– Не важно! Говорят, в этот день можно всё! – продолжал он. – Даже нужно! А своей первой и неповторимой возлюбленной нужно позвонить тем более! Ну, здравствуй, журавлик! Это я.

– Привет, – вымолвила я. – Как ты?

– Как всегда! Отлично! – бодрился он. – Я где угодно могу неплохо устроиться. Знаешь, везде люди! Слушай, мне кажется, что ты всё-таки сомневаешься, что я совсем близко от тебя. Хочешь, я посигналю тебе, как раньше? Смотри в окно!

Когда-то у нас была такая забава – сигналить светом. Наши дома разделяли ряды гаражей, игровая площадка и детский садик, но верхние этажи хорошо просматривались. Вскоре

я увидела, как в доме напротив зажегся свет в одном из окон. Спустя короткое время свет погас, и это повторилось три раза.

Сомнений не осталось. Звонил Олег Полозовский. Впрочем, я поняла это и без световых сигналов. Голос у мужчины с возрастом меняется, но интонации и манеры остаются.

– Ну, видела? – закричал он в трубку.

– Да, конечно! – подтвердила я.

Зная его характер, я могла ожидать любой экстравагантной эскапады. Большой букет цветов в руках – это слабый и скромный вариант для него. Он мог забраться на мой балкон. Он мог взять напрокат коня на ипподроме и гарцевать вокруг дома. Он мог приволочь огромную связку воздушных шаров, которую нельзя протиснуть во входную дверь, но можно раздать лишние шарики обалдевшим соседям. Наш подъезд уже переживал такое явление. Эту романтическую затею с шарами Олег высмотрел в телефильме «И это всё о нём». Мы все тогда восхищались главным героем, простым парнем Женей Столетовым. Роль с блеском сыграл Игорь Костолевский, он многих свёл с ума. Все только обменивались впечатлениями, а Олег, не раздумывая, повторил эффектную сцену для меня.

Это было, было в моей жизни... Лет так двадцать пять назад.

Можно заставить себя не думать о первой любви. Можно забыть дату рождения и отчество бывшего возлюбленного. Можно вполне благополучно существовать с другим мужчиной. Но прошлое вдруг однажды зачем-то настигает и бьёт наотмашь. В тот морозный февральский день моя судьба совершила зигзаг, кульбит или что-то другое в этом роде. Сработал часовой механизм: тик-так, тик-так, год за годом, год за годом назад. Полозовский материализовался. Его голос реально звучал и волновал меня, как прежде.

– Аня, Анечка, Анюта, – нараспев проговорил Олег. – Ты только не волнуйся. Я всё про тебя знаю. Я не собираюсь причинять тебе неприятности. Уже скоро год, как я здесь. Первым делом узнал о тебе. Рад за тебя ужасно. Не раз лицезрел издалика, какая ты привлекательная женщина. Звоню, чтоб сказать, что я по-прежнему вижу тебя во сне. Пусть для тебя цветут сады Земли добрым взглядом тех, кто с нами рядом, и уже потусторонним взглядом...

– ... Тех друзей, что навсегда ушли, – закончила я.

– Умница, не забыла! – восхищенно воскликнул Олег. Это был куплет из песни, которую он часто мне пел когда-то.

– Оказывается, я всё помню, как вчерашний день, – сказала я. – Так всё же, как ты поживаешь, Олежка?

– Я? Безусловно, о" кей! Я иначе не могу, ты же знаешь! – бодро воскликнул он. – А ты не волнуйся, журавлик, и знай, что я рядом и, не раздумывая, убью любого, кто сделает тебе что-то плохое!

– Не надо так шутить, Олежка! – попросила я. – Ты же знаешь, я не люблю чёрный юмор. Убивать никого не надо. Пусть все живут.

– Анюта, ты явно нервничаешь. Всё, я кладу трубку. Или ты первая?

Это была наша другая забава – кто первый положит трубку. Мы обычно звонили друг другу перед сном и долго висели на телефоне, болтая ни о чём, вслушиваясь в звуки любимого голоса, пока родители не вмешивались и не прерывали бесконечную игру бессмысленными словами.

– Ты первый, Олежка, – уступила я.

– Давно меня никто не называл Олежкой, – сказал он. – Повтори ещё раз, и я положу трубку.

Я повторила его имя. Оно мне всегда нравилось. Строгое, мужественное, короткое – Олег, и ласковое, домашнее – Олежка.

– Пока! Я не потревожу тебя, если ты сама не захочешь меня видеть, – сказал он с нажимом на слове «ты» и повесил-таки трубку первым.

Сердце колотилось, словно я вернулась с пробежки. Захочу ли я увидеть Олега? Заглянуть в его смеющиеся глаза, подышать с ним одним воздухом? «Хочешь, я в глаза, взгляну в твои глаза, все слова припомню я и тихо повторю...» Стоило появиться Полозовскому, и песни молодости зазвучали в подсознании. Нет, это невыносимо!

Воспоминания о первой любви застigli меня врасплох. Я поспешила к Марине, не взглянув на часы. Я не могла оставаться наедине с нахлынувшими мыслями: они жалили меня, как разъярённый пчелиный рой. Когда происходит что-то значительное, я не могу молчать. Мне надо проговорить ситуацию с близким человеком.

– Пришла пораньше – будешь помогать! – сказала Марина, открыв мне дверь. – Слушай, на тебе лица нет. Случилась чего?

– Не нарисовала ещё себе лицо, – уныло пошутила я. – Не успела. Я к тебе на полный пансион. У тебя и поем, и напьюсь, и подкрашусь. Как-то одной тошно стало.

– Что случилось?! – настойчиво повторила Марина.

– Полозовский объявился, – приглушенно сообщила я.

– Вот это новость! – ахнула Марина. – Так, молчи пока. Надо срочно присесть. В ногах правды нет. Пошли в столовую.

Я, молча и послушно, пошла за подругой след в след по длинному просторному коридору, рассеянно глядя на яркий, широкий подол её экзотического платья. Свободный покрой позволял невесомой ткани струиться и лететь за своей хозяйкой. Платье реяло впереди меня, как фантастическое видение.

У Марины огромная квартира, и по ней можно долго бродить. На нашем этаже живём мы в трёхкомнатной, а всю остальную площадь занимают Филимоновы. Это произошло в результате серии разездов, обменов и ремонтов.

В детстве Марина жила с родителями и братишкой в двухкомнатной. Рядом соседскую однокомнатную давно сдавали внаём. Когда она вышла за Колю, ему удалось выкупить однокомнатную квартиру у соседей, куда молодожёны и въехали. В последствии брат Марины, Вова, женился и отделился. Родители изъявили желание жить за городом. Хваткий Коля постарался, извернулся и помог купить им небольшой домик в тридцати километрах от города. Оставшимся соседям он организовал обмен в этом же доме, приплатив за хлопоты. Но это ещё не всё. В результате у Филимоновых получилась грандиозная квартира, которую они терпеливо модернизировали. Пример Марининых родителей оказался заразителен для моих. Пришлось нам с мужем пройти по тому же пути. В итоге все остались довольны полученным результатом.

Вдоль всех комнат тянулся большой просторный коридор. Марина устраивала в нём вернисажи из репродукций, с раннего возраста настойчиво приучая своих детей к живописи. На стенах крепились специальные пеноуретановые панели, на которые Марина прикалывала заламинированные репродукции из своей обширной коллекции.

В те февральские дни у неё был период Ван-Гога, Сезанна, Гогена. Ближе к столовой висело несколько работ Тулуз-Лотрека.

– Не люблю Тулуз-Лотрека, – пробубнила я, присаживаясь на удобный диванчик. – Тратил талант на изображение каких-то уродливых распутных девок.... Меня его сюжеты как-то будоражат.

– Будоражат – значит, не оставляют равнодушной! – заметила Марина. – Я для себя повесила. Хочу проникнуться. Специалисты по живописи пишут, что его надо сопоставлять именно с Ван-Гогом, моя дорогая!

– Господи, ты ещё статьи по искусствоведению успеваешь читать! – воскликнула я.

– А как же! – горделиво ответила Марина.

– Такой домохозяйке, как ты, давно пора самой писать книги по истории живописи и культуры, – заметила я с дружеской иронией. – Или выступать по каналу «Культура».

– Какие наши годы! Напишем. Выступим. Детей на ноги поставлю и займусь, – отшутилась подруга. – Мне есть, о чём поведать миру. Уж очень меня возмущает нынешняя эпоха наиглупейшего смешения стилей! Картины пишут по принципу – «сделайте нам красиво». Венчают Шилова с Боттичелли. И непременно втиснут всякие гламурные завитушки, крендельки, гербы, кресты. С этим пора кончать! Книгу я пока не потяну, а вот над очерками думаю поработать.

– Ты серьёзно? – удивилась я.

– Вполне! Напоминаю, моя сноха – журналистка. Она давно уговаривает меня публиковаться. Ей нравятся мои суждения об искусстве.

– Мне тоже всегда интересно тебя послушать...

– Ой, ладно! Не подначивай, а то я сяду на любимого конька и понесусь во весь опор! Сдаётся мне, ты пришла не за этим! – простодушно воскликнула Марина. – Не о живописи беседовать – это уж точно!

При всей любви к искусству я в тот момент не могла рассматривать картины Ван-Гога и Тулуз-Лотрека. Марина видела меня насквозь. За разговором она подала обещанный винный напиток в высоких бокалах из богемского стекла, напоминающих по форме раскрывшийся тюльпан.

– Давай по глоточку, – предложила подруга. – Отпей, прочувствуй. Пообедаем позже. Ещё не готово. Согласна?

Глинтвейн в февральский полдень – что может быть лучше? После нескольких неторопливых глотков дрожь и тревога улетучились. Мысли выровнялись, потекли спокойней.

– Итак, что у нас на повестке дня? – поинтересовалась Марина со всей серьёзностью. – Объявился Полозовский. Так? Чем это тебе грозит? Он что, собирается как-то возникнуть в твоей жизни?

– Да нет, обещал не беспокоить ни словом, ни делом.

– Вот и отлично! Вот это благородно! – с облегчением заявила Марина. – Как подумаю, что ты могла выйти за него замуж! Анька! Вотхватила бы лиха!

– Да уж...

– Такие, как он, никогда не живут, как люди, – ворчливо продолжала Марина. – Это вечные менестрели и возмутители спокойствия. Нет, он парень конечно хороший! По-своему. Интересный даже. Красавец. Но нам с такими не пути, подруга!

– Конечно, Марин, – уныло подтвердила я. – Но из песни слов уже не выкинешь. Я даже мать его любила, как свою.

– Да, я сама всегда ей восхищалась! – вспомнила Марина. – А какое имя! Беата Мариановна Полозовская! Как звучит, а? Ты не томишь, облегчай душу. Что тебя встревожило?

– Мариш, я и не думала, что ещё способна так глупо, так примитивно волноваться! Как школьница! – призналась я. – Стыдно даже... Бабе за сорок, а всё туда же...

Марина не дала договорить.

– Ну, какое значение имеют годы? – воскликнула она. – Ощущения, эмоции вне времени. Они внутри тебя с юности. Это, если хочешь, условный рефлекс сработал. Ты услышала его голос, и сердечко затрепетало. Разум просто не успел подключиться из-за неожиданности. И нечего стыдиться. Никто не видел рецидива твоей любовной лихорадки.

– Как хорошо, что я одна была! Машку только-только выпроводила! Ведь, правда, всё словно исчезло, и остался только его голос. Душонка заметалась. Рада – не рада? Хочу видеть – не хочу? Не знаю! Ничего не знаю.

– Анюта, мы так мало знаем себя самих, так старательно прячем эмоции от посторонних, от детей, от мужей! И тащим груз былых страданий по жизни! А, может, надо просто однажды разобраться во всём и избавить себя от мучений?

– Чтобы разобраться – начинать надо издалека.

– А мы никуда не спешим.

Взгляды встретились, мы обе замолчали. Я вдруг подумала, что нам, двум взрослым женщинам, очень нужно спокойно, без утайки, без рисовки и жеманства, поговорить. Причём, ей тоже это важно, как и мне. Наши судьбы переплетались, и одно событие вытекало из другого. Мы созревали, живя рядом. Мы превращались в женщин, причём Марина всегда опережала меня в этом чувственном взрослении, хоть я и старше её на год. Но такова уж натура моей подруги, и с этим ничего не поделать.

Глава 3

Марина

Мы жили на одной площадке и учились в одной школе, она на класс младше. Родители Марины, Герман Александрович и Ираида Борисовна, преподавали в политехническом институте, а мои работали инженерами на приборостроительном заводе. Те и другие – интеллигенция, по духу – шестидесятники. Мы обе появились на свет в годы хрущевской оттепели. Солнечный оптимизм родителей влился в нашу кровь, растворился в ней вместе со стихами, песнями бардов и научными формулами, навсегда сделав нас наследниками поколения физиков и лириков. Всё неслучайно. Все мы родом из своего детства, из своей эпохи.

Итак, Марина. Сближение началось с художественной выставки. В наш город привезли картины из московских музеев, и все стремились посетить экспозицию. Меня повела мама.

Признаться, поначалу мне не очень хотелось идти. На улице было сыро и холодно. В трамваях теснота и влажная духота. Вдобавок, нужно было отстоять очередь, чтоб попасть внутрь. Казалось, всё население города стекалось к небольшому зданию галереи, и людскому потоку не виделось конца. Мне было десять лет, и на своём коротком веку такое скопление народа я наблюдала только на майских и ноябрьских демонстрациях.

Впрочем, пребывание в очереди обернулось неутомительным, а даже весёлым времяпрепровождением, как на празднике. Люди беззаботно шутили, угощались горячим чаем из термосов, бутербродами и выглядели вполне счастливыми под пасмурным небом октября.

Внутри, в залах галереи, было тепло, красочно и по-настоящему празднично. Зрители передвигались мелкими шажочками, подолгу всматривались в холсты, то отходя, то приближаясь к ним, неспешно наслаждаясь сюжетами. Мама тоже стала учить меня, как правильно воспринимать живопись.

– Важно уловить то верное расстояние до картины, с которого мазки кисти на полотне зрительно сливаются в цельное единое творение, и глазу постепенно раскрывается объём и глубина замысла художника. Иногда можно даже слегка прикрыть один глаз – так изображение покажется трёхмерным. Свет и тень оживут, заиграют. Созерцание живописи не терпит суеты – у этого процесса свои ритуалы! Ну, попробуй! – так умно и назидательно говорила моя мамуля. Ей очень хотелось заинтересовать меня, заразить любовью к искусству.

Мне понравилась оптическая игра. Я увлеклась и уже не торопилась покинуть галерею.

Своих соседа мы встретили в зале, где висели картины французских живописцев: Ренуар, Моне, Мане, Дега. Разговорились вполголоса, задержались дольше. С того момента мы уже перемещались двумя парами – я с Мариной и наши мамы.

Я впервые видела женскую наготу, представленную так крупно, так масштабно. Каждое полотно поражало откровением. Что-то оттаяло в груди и ласковыми струйками потекло к низу живота, защекотало в тайном местечке. Мне было лишь десять лет, но я ярко и драматично пережила момент погружения в безмолвный живописный мир. Мне навсегда запомнилось ощущение сладкой неги, разлившейся по телу. Обнажённые дамы с картин снисходительно взирали на нас, малюток, а мы рассматривали их полные фигуры во всех подробностях. Я и Марина, худенькие, угловатые девчушки, у которых ещё только наметился возраст гадких утят, смущенно обменивались сокровенными признаниями. Нам хотелось поскорее достичь такой женственной красоты тела.

Самым крупным полотном оказалась картина Пьера Нарцисса Герена «Аврора и спящий Кефал». Мы разглядывали её особенно долго. Всем своим сливочным, светящимся нагим телом молодая богиня стремилась к юноше. Её вождение и страсть ощущались физически, возбуждая первые, неясные эротические фантазии. Неужели возможно, чтобы

девушка так смело приближалась к мужчине, так открывала прелестные грудки? Вот-вот Кефал проснётся, и они сольются в поцелуе! А потом? Что бывает дальше, какой бывает близость? Будет ли такое со мной, когда я вырасту? Буду ли я любить? Будут ли любить меня?

Роскошные обнажённые фигуры провоцировали. От полноты ощущений и неоформленных мечтаний у меня намокли трусики и тяжело набрякли нижние скрытые губки. Я утатила это от мамы, но поделилась секретом с подругой. Марина испытала то же самое!

Домой доехали незаметно. В трамвае Марина рассказывала, что они всей семьёй собирают репродукции картин. Я просияла от счастья! Мой папа тоже начал создавать подобную домашнюю коллекцию!

Тогда это было не сложно. Журналы – «Работница», «Огонёк», «Семья и школа», «Москва» – щедро печатали на вкладках прекрасные воспроизведения шедевров мировой живописи. В художественном салоне продавались постеры на глянцевой мелованной бумаге за сущие копейки. Требовалось только терпение собирателя. Мы аккуратно извлекали странички из журналов, покрывали плёнкой и помещали в специальные папки. Впоследствии из цветного картона мы сделали несколько шикарных альбомов, в которых репродукции вставлялись уголками в прорези. Эти альбомы хранились, как семейные реликвии.

Приобретение подлинников доступно единицам счастливицов. Возможность посещения музеев ограничена временем, пространством, обстоятельствами, средствами. Коллекционирование репродукций давало свободу воображению – можно было лицезреть известные картины, географически находящиеся очень далеко!

Страсть собирателя живописи – удивительное чувство! Его лишь приблизительно можно передать словами: вдохновение, азарт, познание, наслаждение, разгадка пленительных тайн...

Но мы росли, и тайны постепенно возникали в самой жизни... Героиней настоящей романтической истории стала моя Марина.

Со мной за партой сидел Слава Литвинюк. Когда в старших классах всем разрешили садиться по желанию, мы остались со Славкой. Зачем было искать другого соседа, если нам и так хорошо? Наше решение все восприняли с уважением.

Славка был ниже меня ростом, но физически силен и спортивен. Я помогала ему с учёбой, а он опекал меня. Мы дружили с ним без затей.

Как-то, зайдя ко мне за большим английским словарём, Славка встретил Марину и влюбился. Навсегда. Конечно, он видел её белокурую головку в школьных коридорах и раньше, но это было лишь предвестие Марины, предчувствие любви, похожее на созревание плода. Плод оторвался от ветки в моей комнате и полетел в бесконечность.

Славка стоял с громоздким томом в руках и пытался что-то вымолвить. Он немного заикался, бедный мой друг, а от волнения этот дефект речи только усиливался. Я пришла ему на помощь и застрекотала, как пулемёт, вовлекая Славку в непринуждённый разговор. Сообща у нас с ним что-то получилось.

Моя Марина была ослепительна! Светлые шёлковые кудряшки она подвязала красным шнуром на старорусский манер и надела платье из некрашеного льна, отделанное ручной вышивкой крестиком. Наряд довершали самодельные бусы из крупных косточек груши, покрытых бесцветным лаком для ногтей. Каково? Её так и хотелось рассмотреть и потрогать!

Я всё устроила так, что нашлась причина зайти к ней втроём. Там, в её современной комнатке, оклеенной супермодными тогда обоями под кирпич и украшенной работами в технике макраме, Славка потерял себя навсегда.

С тех пор я видела моего друга всё чаще. Мы встречались не только за партой в классе, но и в подъезде на нашем этаже. Он ежедневно терпеливо поджидал Марину. Она имела обыкновение долго наряжаться даже для коротких прогулок.

Слава дарил Марине охапки нежных ромашек, покупал на карманные деньги одинокие длинноногие розы и шоколадные батончики, а она вертела моим одноклассником по настроению. Частенько ему требовался совет или простое одобрение поступков, тогда он заглядывал ко мне пооткровенничать. Я с грустью понимала, что он – редкостный однолюб, и жалела Славку Литвинюка своей неопытной душой.

Марина играла с ним в бесконечную игру с длинным названием «нет-нет-нет-да-да-да-нет-нет-нет». Он любил, а она познавала свои нарождающиеся женские способности, утверждалась, раскрывалась миру, как розовый бутон. Отношения осложнялись тем, что родители Марины, обычно вполне радушные, открытые люди, вдруг восстали против этой школьной дружбы-любви, заметив в ней какую-то нежелательную им направленность.

Все хотят, чтобы у детей было всё самое лучшее. По мнению родителей, Слава не вписывался в будущее Марины. Семья Литвинюков была простая, рабочая, малообеспеченная. Они едва сводили концы с концами и слаще пирожков с морковкой ничего не ели. Старший Литвинюк, отец семейства, прославился на весь микрорайон своим буйным нравом во хмелю, мать – беспечной неопрятностью и слезливой бабской откровенностью, бабушка – прогрессирующей гангреной обеих ног, а младшие братья – хулиганскими проказами. Герман Александрович и Ираида Борисовна не желали иметь с Литвинюками общих внуков.

Славка был готов к любой перековке личности, лишь бы прийтись ко двору. Он состриг длинные волосы, отращённые по моде тех лет под «битлов». Он носил то, что одобряла Марина. Он стал чемпионом области среди юношей по лыжным гонкам. Литвинюк совершил бы ещё много подвигов, но стать выше ростом и интеллигентнее у него не получалось.

Я поневоле находилась внутри этих отношений. Бедный парень даже как-то плакал у меня. Я помню, как мы сидели в сумраке, не зажигая света. Он всхлипывал и растирал кулаком мальчишеские слёзы.

Славка без стеснения говорил мне, как он целует Марину, как пробует осторожно ласкать. Он боялся напугать её излишней пылкостью, сдерживал порывы, не знал, как сладить со своим влечением. Я советовала, как лучше обаять мою подругу, но мне самой не доставало практического опыта. Я обходилась воображением.

Мы оба тогда не подозревали, что Марине как раз не хватало его смелости, твёрдости, напора, силы и вместе с тем элегантности действий. Моя подруга едва ли понимала себя сама, но она была, несомненно, зреее нас обоих в своих чувственных ощущениях.

Слава Литвинюк потерпел фиаско. Он горевал и метался. Вскоре мой верный друг свёл знакомства с доступными, изощрёнными девицами, старше его по возрасту, о чём опять беззастенчиво делился со мной. Те девушки проводили настоящие плотские мастер-классы, не опасаясь пагубных последствий. Славка быстро мужал, а меня всё это пугало и волновало.

У меня он пытался выznавать про жизнь Марины мельчайшие подробности. Я старалась удовлетворить его жгучий интерес, но и не сболтнуть ни слова лишнего. Я балансировала по острию лезвия. Мне были бесконечно дороги оба персонажа этой трогательной истории, но, увы, редко все милые люди могут мирно сосуществовать в идиллической гармонии. Я убеждалась в этом не раз.

Спустя годы Марина вышла замуж за Колю Филимонова, внешне похожего на Славу Литвинюка, как на брата. Они почти как две капли воды, но всё-таки разные капли. Литвинюк – мастер спорта по бегу на лыжах, а Филимонов предпочитает спуски с крутых гор. Коля – волевой и самодостаточный мужчина. У него крепкая деревенская закваска и обширная родня. Такова ирония затейницы-судьбы, которая играет в роковые игры. Суженого, говорят, на коне не объедешь, сколько ни пытайся.

Всякая женская судьба интересна и достойна романа, да вот только тайное не всегда становится явным. Женщин без загадок не бывает – в этом я уверена.

Явное между строк

Марина сидела напротив и улыбалась загадочно, словно Джоконда.

– А мне приятно вспомнить Литвинюка! Он меня любил, и я сама себе нравилась! – заявила она. – Чем-то он мне помог. Слушай, а я и не знала, что он советовался с тобой, как целоваться! Почему ты мне не говорила?

– Ну, представь, как это было бы глупо и нечестно! – ответила я. – Мне хотелось вам помочь.

– Вот так открываются тайны прошлого! – усмехнулась Марина. – А ты его жалела, да?

– Конечно. Мне и сейчас кажется, что стоит тебе поманить Славку, так он всё бросит и прибежит на твой зов. Я его видела недавно. Первый вопрос сразу о тебе!

– Не дай бог! – воскликнула Марина и рассмеялась. – Ладно, пожелаем здоровья Литвинюку и вернёмся к Полозовскому.

– Сегодня Полозовский посигналил мне светом из окна...

– И что? – Марина напряглась.

– И я призналась себе, что все эти годы невольно поглядывала на окна Полозовских. Мне ничего не требовалось, но это происходило само собой. Каково?

Глава 4

Олег

Нам исполнилось по 14 лет, мы ещё носили пионерские галстуки. В классе у меня была ещё одна задушевная подруга с красивым именем Луиза. Всё началось именно с неё. Она как-то рано и волнующе расцвела, и мальчишки со всей округи просто сошли с ума. Симпатии проявлялись неумело: записки, звонки, глупые выходки, преследование. Это раздражало нас обоих. Мы после уроков обычно гуляли немного, обменивались впечатлениями прошедшего учебного дня.

На следующий год, в восьмом классе накал страстей достиг апогея. Видно, какой-то возрастной гормональный всплеск возбуждал активность. Горячие мальчишеские признания и предложения поступали чуть ли не ежедневно – иногда мне, но чаще Луизе. Нам это льстило, но мы просто не знали, как обходиться с несдержанными влюблёнными.

Внимания моей Луизы рьяно добивались два соперника. Нервный, взбалмошный юноша, «со взором горящим», по имени Артём, и спокойный, немногословный татарин по имени Рауль. Артём был спортивен и достаточно хорош собой, но его эксцентричность утомляла и пугала нас обоих. Рауль тоже был спортивен, но успокаивающе надёжен. Вдобавок, сочетание редко встречаемых имён завораживало. Луиза и Рауль – это звучало музыкой в мозгу и моя подруга выбрала этого паренька.

Артём не желал уступать. Он истерил, рвал и метал. Он напоминал раненого зверя, и мы обе немного побаивались его. И не зря.

Артём заметил, что Луизкина симпатия подпитывается моим мнением, и направил всю злобу на меня. Замысел его был таков: хорошенько проучить меня, а потом вынудить ежедневно склонять Луизу к нему. А наказать меня он собирался очень жёстко – физически. В общем, страсти кипели нешуточные. В наличии была своя Кармен, Хосе и вокруг них многочисленная любопытствующая массовка.

Дети под час бывают удивительно жестоки. Часто подростки не чувствительны к чужой боли и очень вероломны. Этому меня научила средняя школа вкупе со всем остальным – вечным, разумным, добрым.

Родители доверчиво полагали, что их ребятишки с портфельчиками с утра идут в поход за знаниями, а дети, прикидываясь простачками, всю игру в опасные игры. Об этом догадывались некоторые учителя. Они делали попытки донести свою тревогу до наших мам и пап, но как-то у них не складывался нормальный диалог. Родителям не хотелось допускать мысли о пороках своих отпрысков. Наркомания, ранний секс, вандализм и прочие бяки казались им такими далёкими, не имеющими отношения к их ухоженным, сытым, благополучным чадам. Пока гром не грянет, немногие перекрестятся.

Внутри школы существовали неформальные группировки, различающиеся по интересам и задачам. Были даже такие, кто брался за разрешение конфликтов по понятиям. Этакие боевики районного масштаба. Их тогда называли пацаны. Верховодил пацанами интересный паренёк по имени Олег. Он имел мятежную начинку и обворожительную внешность. Он успевал повсюду: играл в школьном ВИА на ритм-гитаре, слыл завзятым сердцеедом, изощрённо дерзил учителям, устраивал массовые каверзы, открыто курил болгарские сигареты.

Вот его-то и нанял злобствующий Артём для исполнения своих замыслов. Чем уж он расплачивался с боевиками, я не знаю. Возможно, сигаретами, пивом или просто деньгами. Была ещё одна ходовая валюта в школьной среде: жутко дефицитные импортные жеватель-

ные резинки! Их привозили из-за границы фарцовщики и распространяли по своим каналам. А ещё был способ – выпрашивать и выменивать эти мелочи у иностранцев около гостиниц. Риск, азарт, выдумка, сноровка! Занятие не для слабонервных деточек. Это трудно понять и оценить, когда пресловутых резинок полно в каждом ларьке. Могу допустить, что разборка со мной как раз оценивалась некоторым количеством жевательных резинок.

За мной шла настоящая слежка. Пацаны действовали отменно – ведь я ничего не подозревала! Мои обычные маршруты тщательно изучались. Для избиения готовили двух отчаянных девчонок. Были и такие – пацанки.

Как бы всё произошло, я так и не узнала. Вмешался мой одноклассник Жорка Новожёнов. Он сорвал все планы Артёма. Каждое утро этот добродушный мальчуган списывал у меня задачки по физике и математике, которые ему не давались, хоть убей. Он окончил школу, так и не поняв смысла интегралов с логарифмами, но неплохо устроился и без этого интеллектуального багажа.

Мы с ним дружили. Он носил мне по осени мои любимые яблоки, собранные на даче, делился кормом для аквариумных рыбок. Я спокойно доверяла ему свою черепаху, когда уезжала летом на отдых. Добрый Жорка выводил мою Тортиллу гулять в лесопарке. Такие друзья нужны всем, но не у всех бывают. Мне везло с окружением.

Так совпало, что Жорик жил с Олегом на одной площадке в доме, как и мы с Мариной. Естественно, что они часто ходили вместе в школу. Жорик пребывал под покровительством отчаянного соседа, но не пользовался возможностями. Он был миролюбив и покладист.

Олег решил уточнить у Новожёнова все подробности обо мне. Жорка рассказал, что мог, со всем простодушием.

– Она отличница! – с восхищением сообщил он Полозовскому.

– Терпеть таких девчонок не могу! – парировал Олег. – Все они зануды, ябеды и уродины. Всегда лезут не в своё дело. Артёмка прав. Бить таких надо!

– Ты что! Она списывать даёт и всем помогает! – вскипел Жорка. – Нашел, кого слушать – Артёмку! Он же псих недоделанный! Всех достал в классе! Ты меня послушай!

Далее Жорка выдал монолог, в который вложил юную честную душу и весь свой лексикон. Я позже слышала неточный пересказ, о чём всегда сожалела. Видно, Новожёнов был убедителен, потому что Олег решил познакомиться со мной ближе.

Школа наша была новой, недавно отстроенной. Ребят перевели из двух других школ района, и многие не были знакомы с первых лет обучения. Именно потому мы с Полозовским почти не пересекались. Наше знакомство организовал Жорка. Он сопровождал меня вместе со Славиком Литвинюком. Славка не мог допустить, чтоб я пошла одна. Мальчишки знали Олега хорошо, а я поверхностно.

Я вышла на высокое крыльцо нашей новенькой школы. Олег уже стоял на ступеньках. Ребята молча, по-мужски, пожали друг другу руки.

– Привет, Аня! – непринуждённо бросил мне Олег. – Ты всегда с такими рыцарями ходишь?

– Частенько, – ответила я. – А что?

– Тогда тебе нечего бояться! – задиристо ответил Олег.

– А я и не боюсь, – недоумённо сказала я. Мне не приходило в голову, что в родном микрорайоне со мной может приключиться беда.

– Давай познакомимся! – предложил Олег. – Я почему-то тебя не знаю. Как-то мы не пересекались до сих пор.

Сколько лет прошло, а мне помнится тот солнечный майский день и обезоруживающая улыбка Олега! Он протянул мне руку музыканта с длинными, как у пианиста, пальцами, и с характерными мозолями, как у всех гитаристов. Я доверчиво подала свою бледную кисть. От предчувствия скорых перемен быстро-быстро забилося моё сердечко. Скорее неотчётливо угадывая, чем понимая, что произойдёт дальше, я открыто посмотрела ему в глаза. Олег не отвёл своего проникновенного, вполне мужского взгляда. Так могла смотреть и улыбаться только воплощённая девчоночья мечта.

– Может, твои телохранители позволят нам немного поговорить с глазу на глаз? – вежливо спросил Олег.

Славка вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула ему.

– Встретимся на нашем месте, – сказал верный Литвинюк и пошёл вперёд вместе с Жориком.

Школа располагалась рядом с роскошным лесопарком. У каждой компании имелись излюбленные уголки. Ребята направились на наше насиженное место.

– Аня, Анечка, Анюта, – нараспев произнёс Олег, когда они удалились. – Так ты ничего не знаешь о причине нашей встречи? Что сказал тебе Жорик?

– Жорик сказал, что со мной давно хочет познакомиться Полозовский. Ведь это ты и есть? И всё. Так что ты сам объясняй, в чём дело.

– Так, так. А ни в чём! – вдруг весело заявил Олег. – Просто у тебя коса красивая. Давно хотелось её потрогать, подёргать немного, а если бы я сам подошёл и схватил тебя за косу в коридоре, то ты бы мне пощёчину влепила. Да ещё Славик Литвинюк надавал бы тумаков. У него кулаки здоровые!

– Зачем дёргать меня за косу?

– А чтоб убедиться, что она настоящая! – опять пошутил Олег. – Теперь вот вижу своими глазами. Могу спать спокойно! Давай портфель, он у тебя большой какой! И тяжеленный! Зачем столько учебников с собой таскать?

– А ты без учебников в школу ходишь?

– Конечно! – он показал свою тоненькую папочку. – Всегда кто-нибудь выручит. Девчонки в нашем классе добрые.

Олег не выдал мне Артёмку. Он умел хранить чужие тайны.

Мы вскоре нагнали ребят. В живописном местечке на брёвнышке и пенёчках сидели мои одноклассники. Мне кажется, что уже через полчаса все заметили, как я похорошела. У меня есть подтверждение – черно-белые снимки, сделанные в тот майский день. У Мальцева Лёши был фотоаппарат. Его отец работал в местной «Вечёрке», и сына приучал к своей профессии. Благодаря Лёше создавалась летопись неформальной школьной жизни. Лёша печатал снимки и щедро раздаривал одноклассникам. Он снял нас в тот памятный день, навсегда запечатлев наше юное счастье в обрамлении солнечных бликов.

– Жорка, не в службу, а в дружбу, сбегай в репетиционную комнатушку! – попросил Олег. – Принеси мою простую гитару. Вот тебе ключи! Лови!

Жорик обернулся за десять минут. Олег подстроил гитару, запел.

– А он – красавчик, – шепнула мне Луиза. – И поёт для тебя. Обрати внимание.

Я и сама это видела. Олег исполнял самые популярные песни того времени и не сводил с меня лукавых светящихся глаз. Его взгляд ощущался, как прикосновение. Так на меня ещё никто не смотрел.

Что было модно в семидесятые годы двадцатого века? Что мы слушали и пели? Да то, чем полнился эфир. Именно тогда вышел диск Давида Тухманова «По волнам моей памяти». Высокая поэзия и современный нерв мелодий кружили головы. Альбом моментально стал

культовым. Все школьные ВИА перепевали эти хиты. Почти одновременно появилась зонг-опера «Орфей и Эвридика» композитора Журбина. Главную партию исполнял Альберт Асатуллин, и его бесподобному, с восточным окрасом голосу, подражали многие самодеятельные певцы. Полозовский был типичным героем своего времени и следовал моде тех дней.

Олег наябничал, ударял по струнам, и моя душа вибрировала в такт мелодиям. Он казался сладкоголосым Орфеем. Это было славное, доброе время, когда девчонки влюблялись в парней с гитарами...

Было душно от жгучего света,
а взгляд его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот,
этот может меня приручить!

Строки Ахматовой пронзали откровением. Казалось, что написано про нас. Про это томящее тепло майского дня, про завораживающий взгляд юноши с гитарой и про моё первое девичье смятение. А строки из Сафо, положенные на музыку?

Богу равным кажется мне по счастью
человек, который так близко-близко
перед тобой сидит...
Сойти с ума было совсем не сложно.

Домой я едва подроспела к ужину.

– Что же так долго, Анюта? – обеспокоено спросила бабушка.

– Факультативы, бабуль, – солгала я. – Экзамены скоро.

– Голодная, небось! – не без оснований предположила бабуля.

– А то! – откликнулась я. – Как зверушка лесная!

Это была сущая правда! Влюблённые всегда голодны. А я тогда пришла прямиком из леса и была уже влюблена.

В мой безмятежный мирок ворвался волнующий ветер перемен. С того вечера я стала чаще лгать домашним, есть с большим аппетитом, и допоздна задерживаться на улице, нарушая сроки, установленные родителями.

Утром следующего дня Олег перехватил меня по дороге в школу. Он ведь знал все мои маршруты и воспользовался этим.

– Привет! – непринуждённо сказал он и протянул шоколадку. – Косу не остригла за ночь? Смотри, не стриги волосы! С косой ты лучше всех!

Каждый мой день отныне начинался с Олега. Он ждал меня в ближайшем по дороге к школе доме, в предпоследнем подъезде. Вскоре все жильцы той пятиэтажки-хрущовки призывали к нашей юной паре и выглядывали, чтоб посмотреть, как неумоимо и неординарно проявляется мой кавалер. У него было чему поучиться неизобретательным мужчинам всех возрастов.

Вскоре Артём пришёл в школу в синяках. Даже очки тёмные надел. Мы с Луизкой удивлённо переглянулись, а Жорик хитро улыбался.

В конце года, после экзаменов, в школе устроили праздничный вечер. Вокально-инструментальный ансамбль, в котором играл Олег, назывался «Возрождение». Ребята готовили зажигательную программу из самых модных песен. Олег пел на сцене, а я невольно любовалась им. Он имел потрясающий успех.

Все увлечённо танцевали, требовали музыки ещё и ещё.

– А как вы думаете, солист имеет право на танец? – спросил Олег в микрофон, обращаясь к залу.

– Имеет! – загудели мои однокашники.

Он что-то шепнул гитаристам и ловко прыгнул со сцены. Не спустился по ступенькам сбоку, а именно прыгнул сверху, сразу в центр. Зал притих, музыканты смолкли. Все широко расступились в ожидании. Олег пружинистой походкой подошёл ко мне. Когда он протянул руку со сцены грянула музыка. Ребята из ансамбля постарались на славу. Эффект потряс всех, но больше – меня саму.

Мы закружились по залу. Несколько минут наша пара танцевала одна. Не меньше сотни глаз наблюдали за нами. Мелькали лица удивлённых девчонок, ошеломлённых учителей. Мы только-только прошли по литературе роман «Война и мир», и я ощущала себя юной графиней Ростовой в нежных объятиях прекрасного князя. Этот парень умел удивить сразу всех и вознести меня до небес.

Глава 5

Я и Олег

Фамилия Полозовский досталась Олегу от матери. Так решили его родители. Его внешность и менталитет определялись смешением нескольких кровей: русской, татарской и польской. У него были высокие скулы, большие темно-серые, чуть раскосые глаза, чувственный рот, волнистые русые волосы. Немного подводили мускулистые ноги с небольшой кривизной, но это обстоятельство, впрочем, не лишало его обаяния. Олег всегда был в отличном настроении, пружинисто и энергично передвигался и озарял лучезарной улыбкой всех и вся в поле зрения. На любой вопрос у него имелся ответ и порой даже песня или стихи. Он жил в мире звуков, аккордов и рифм. И меня Полозовский закружил, заморозил, увлёк за собой. Олег имел некоторое внешнее сходство с певцом Альбертом Асадуллиным и по-мальчишески гордился этим. А вместе с ним и я.

Летом он ввёл меня в свою семью, познакомил с ближайшей родней. Я была очарована неповторимым обаянием каждой неординарной личности в его окружении. Это привязало меня к Олегу ещё больше.

Первый раз он привёз меня на дачу. Она находилась почти в черте города, на окраине, поблизости от новостроек. Вольно заросший разными цветами, несколько запущенный, но невероятно живописный участок сразу мне понравился. Его мать встретила нас приветливо.

– Мам, это Аня! – коротко бросил Олег. – Она из параллельного класса. Мы дружим, а после школы поженимся. Имей это в виду!

Она улыбнулась и ласково сказала:

– Какая косичка у тебя красивая, Анечка! У меня тоже была очень длинная коса в молодости. Я отрезала волосы после рождения Олега. А ты, бестактный сын, не смущай девочку и не пугай раньше времени мать!

– И зря, мам, ты косу резала! Сейчас бы гордилась ей! – заявил Олег. – Анютке мы косу резать не дадим!

– Всегда хотела иметь дочь, а родила двоих сорванцов, – призналась Беата Мариановна за чаем. – Ты бывай у нас чаще, Аня, я буду рада поболтать по-женски. У меня есть сёстры, младшая и старшая, Олежкины родные тётки. Ты с ними тоже подружись. Бабушки у нас замечательные! Сама увидишь!

Олег познакомил меня со всеми – тётя Женя, которую он звал Джек, тётя Вера, их старенькая матушка, их добрейший отчим. Со стороны матери родня была русская и польская, а со стороны отца – казанские татары. О татарском гостеприимстве я знала, но тем летом ощутила сама их радушие. Его бабушка Фарида-апа, по-татарски – нанай, готовила наваристый, изумительный суп-лапшу илеш, тушила конину, пекла сочный бишбармак и сытный баурсак, стряпала настоящий чак-чак, обильно сдабривая его мёдом. Покинуть их дом, не отведав хотя бы понемногу всех блюд и не прихватив с собой гостинца, было невозможно. При отказе хозяева непритворно и нешуточно обижались. К удивлению родителей, я часто приносила домой большие пакеты с татарской национальной выпечкой.

Мы были неразлучны с Олегом. Он подарил мне целый гармоничный, яркий, восхитительный мирок, внутри которого мне обреталось радостно и комфортно. Ещё тогда я поняла простую формулу: *женщина счастлива, если за неё кто-то решает все проблемы, считая её при этом королевой.*

У Олега была врождённая способность ладить с людьми любого возраста. У нас в доме он не сидел гостем, а легко подключался к бытовым делам, которыми мы в тот момент зани-

мались. Если мама чистила картошку, он брал у неё нож и дочищал сам. Если я оттирала свои туфли от уличной грязи, он отстранял меня и с ловкостью чистильщика доводил дело до конца. Эти бытовые мелочи расположили мою маму к Олегу окончательно. И только папа всегда оставался чуть-чуть насторожённым.

Несколько месяцев тянулся период невинного общения. Олег приучил меня игнорировать сплетни и косые взгляды. Я купалась в его внимании и заботе, но мне уже было мало только этого! Внутри зрело желание, фокусировалось вожделение, распирая и обжигая. Я часто опасалась не справиться с собой и первой выказать ему новые, неведомые чувства. Олег не пытался меня обнимать, целовать, тем более лезть под юбку, как делали некоторые неуклюжие и торопливые ухажёры моих подруг. Это было странно, ново, непонятно, волнующе.

Мы часто ездили на пляж купаться. Омытая речной водой, освежённая, но неостывшая, я лежала рядом, едва касаясь Олега плечом, бедром... Каждое неловкое прикосновение вызывало мучительно-сладостные спазмы внутри живота и помутнение в мозгу. Я боялась выдать себя раньше времени. Я жила трепетным ожиданием желанной близости.

На обратном пути мы обычно не садились в автобус, а шли домой длинной дорогой, тянувшейся в траве вдоль шоссе. Физическая усталость – это единственное, что отрезвляло меня, снимало напряжение и томление моего юного тела. Я успокаивалась и остывала.

Нередко Олег возил меня на железнодорожный вокзал. Он любил сидеть на перроне и смотреть на прибывающие и отходящие поезда, на встречи и расставания людей. Это напоминало театр. Сквозь обыденность вокзальной пыли и запахов проступали человеческие драмы, чужие чувства, и веяло романтикой странствий. Так странно и постепенно раскрывался внутренний мир моего первого любимого. Я смутно догадывалась, что его неудержимо влекут дальние дороги.

Наши дома располагались достаточно близко. Окна квартиры Олега были видны из окна моей спальни. Как хорошо, что родительская комната выходила на другую сторону! Иначе они бы узнали, что их дочь подолгу сидит в темноте и следит за световыми сигналами из окон с восьмого этажа соседнего дома. Наверняка соседей удивляло, как троекратно вспыхивает и гаснет в ранней ночи одно окно огромного дома-корабля.

Нам было мало слов, взглядов и световых сигналов. Иногда, от полноты чувств, мы обменивались записками, в которых писали стихи, заимствованные из лирических сборников. Свои листочки я подписывала большой буквой А с точкой.

Первый поцелуй случился осенью, в девятом классе. В преддверии зимы, в унылую пору межсезонья, мы с друзьями собирались для общения у кого-нибудь на дому. Мы коротали вечера, обсуждая местные новости, слушая магнитофонные записи и распевая песни под гитару. После вечеринок меня всегда провожал Олег. Мама наказывала ему, к какому часу я должна явиться. Олег сам контролировал время, поглядывая на часы. Я же едва контролировала самоё себя, томимая желаниями.

Всё произошло внезапно. Мы вышли от моей одноклассницы Милы, спустились на один лестничный пролёт. Там, у окна, между этажами, он резко и сильно развернул меня за плечи и жадно обхватил мои губы. Я не сопротивлялась, я давно мечтала об этом. Мы впивались друг в друга и пытались выпить до конца. До сих пор помню вкус этого долгого поцелуя. Помню, как колотилось сердечко, как плескалось и щекотало внутри счастье. Даже спустя годы коротко прожить в мыслях свой первый поцелуй – крайне волнующее событие!

Сколько это продолжалось, не знаю. Домой я опаздывала, это точно.

– Я люблю тебя, девочка моя, журавлик мой, – горячо прошептал мне мой первый любимый. – Так сильно люблю тебя! Мы всегда будем вместе.

У меня потекли слёзы радости, а он слизывал их и тихо смеялся. Потом заботливо промокнул мне лицо носовым платком и поцеловал ещё раз, но уже бережно, чуть касаясь моих вспухших губ.

В те пасмурные, холодные дни поздней осени у нас начался новый, головокружительный период. Теперь я отправлялась в школу раньше обычного времени. Олег ждал меня на условленном месте в подъезде. Мы целовались минут десять-пятнадцать до начала уроков. Затем я шла в класс на занятия, а он жил дальше по своей программе. К учёбе он был нерадив. Я же по-прежнему оставалась одной из лучших учениц.

Я никогда не задавалась мыслями, что он делает без меня. Я вся жила во власти новых ощущений, едва успевала выполнять домашние задания и мимолётно общаться с подругами. Не выказывать своё возбуждение окружающим было нелегко.

Я мало задумывалась о последствиях наших отношений. Я доверяла Олегу целиком. Он казался мне опытнее во всём, хотя мы были одноклассники. Мой любимый берёг меня. Мы любили и познавали друг друга, не совершая тех действий, которые могли бы привести к беременности. Значительно позже я узнала, что сексологи называют это словом «петтинг».

Олег научил меня не стесняться наготы. Он восхищался каждым сантиметром моего тела, изучая его ежедневно. Часами мы лежали либо на широкой кровати его родителей, пока они работали, либо уезжали в их садовый домик. Я не задумывалась, как и где мы будем обладать друг другом. Я просто знала, что это случится. Олег устраивал всё сам, не унижая меня обсуждением мелочей.

Мы ходили по самому краю! Он брал меня на руки и подносил к большому зеркалу. Мы отражались в нём, нагие и счастливые. Это было похоже на картину в раме!

– Посмотри, какая ты красивая! – говорил он мне. – Разве это не чудо?

Конечно же, это было чудом. Картина, увиденная на художественной выставке в детстве, ожила. Я чувствовала себя юной богиней Авророй, соблазнившей-таки Кефала. Мой Кефал не дремал, как на холсте. Он проявлял свой страстный темперамент. Мы любили чисто, трепетно, вне времени, без оглядки на условности и меркантильные соображения. Так бывает только в беззаботной ранней юности.

Даже знакомый город казался необычно красивым, а давно исхоженный лесопарк возле школы – сказочным. Наша любовь скрашивала всё. Меня не огорчала липкая грязь, разбитый асфальт и тёмные лужи после дождя. Я не смотрела под ноги, я парила, как влюблённая на картине Шагала. Через большие лужи Олег всегда переносил меня на руках, чтоб я случайно не замочила ноги. Я видела только звёзды и не ощущала земли.

Глава 6

Первая боль

Иногда по вечерам Олежка исчезал по своим делам. Он так и говорил шутливо:

– Дела, клиенты не дают покоя! Вечером не жди!

Меня не интересовали подробности. Я знала, что ансамбль «Возрождение» иногда играет на вечеринках, на танцплощадках, зарабатывая деньги. Их руководитель находил такие заказы. Он был человек взрослый, семейный. Ему требовались дополнительные доходы. Парнишкам они тоже карман не жали. У Олега всегда водились деньги. Он легко тратил их на сладости, цветы, кино и сигареты. Это отличало его от многих ребят в нашей школе, у которых водилась только незначительная карманная мелочь, выданная родителями.

У него водились поклонницы. Иначе и быть не могло – его обаяние действовало на всех магически, особенно во время выступлений на сцене. Он родился со счастливым даром притягивать к себе внимание. Я к этому быстро привыкла, как к данности, и даже гордилась моим любимым.

Всегда находились доброжелатели, которые разносили местные сплетни. Так бывает в любом коллективе. Меня это не волновало и не настораживало: ведь Олег неизменно и безраздельно оставался моим. Я рассуждала про себя, что мы не муж и жена со штампом в паспорте. Олежка был свободен, его никто не держал и не обязывал, но всё же он всегда стремился ко мне. В свой дом, в свой близкий круг, Олег приводил только меня. Я верила ему и его словам.

Наверно, он тоже горячо верил сам себе, в те прекрасные неповторимые моменты, когда говорил мне о любви. Он был красноречив, этот ловкий красавчик Олежек, и, несомненно, разносторонне талантлив. Он писал стихи, музыку, владел неплохой техникой игры на фортепиано и быстро воспроизводил любую мелодию на гитаре. Его дарования, конечно же, требовали профессиональной шлифовки, доработки, развития, но для старшеклассника обычной школы и этого хватало с лихвой. В его семье все пели, играли, писали стихи. Удивительные были люди!

Однажды он принёс целую пачку подарочных конвертов с надписанными датами.

– Ты будешь вскрывать их именно тогда, как указано, – строго сказал Олег. – Обещаешь?

Я дала обещание, не раздумывая. В пухлых конвертах были утаены восхитительные строки в стихах и в прозе, посвященные мне. Что-то Олежка сочинил сам, что-то позаимствовал у известных поэтов и бардов. Тексты дополнялись рисунками. Это был особый, эпистолярный, любовный диалог, растянутый во времени. Я могла общаться с ним, узнавать, что он думает обо мне, если мы не рядом.

Позднее Олег напел и наговорил магнитофонную плёнку для меня. Он был изобретательный выдумщик, мой первый любимый! Разве можно было усомниться или обижаться? Никогда!

И всё же я недооценивала всю широту и многогранность натуры моего Олега. Вскоре я поняла это.

Был обычный душный вечер в конце августа. Нас опять ждала школа, последний выпускной класс, и дома не сиделось. Олега не появился, зато ко мне заглянула соседка и подруга Марина. Я пошла прогуляться с ней.

Ноги сами несли нас по знакомой округе, по исхоженным тропинкам. Незаметно мы пришли к лесопарку. Было так тихо, что временами слышалось, как отрываются от веток

и падают оземь желтеющие резные листья. Пахло хвоей, жухлой листвой, травой. Весёлое лето было на излёте, дыхание осени ощущалось повсюду, и это навевало лёгкую грусть.

Вдруг донеслись голоса, приглушённый смех. Мы пошли на звуки, надеясь встретить кого-нибудь из друзей. И встретили.

На поваленном берёзовом стволе, прижавшись спиной к сосне, сидел мой Олег, а на его коленях томно извивалась незнакомая девица. Её короткая джинсовая юбка мало что скрывала, а розовая блузка и вовсе была расстёгнута. Они целовались. Он делал с ней то же, что и со мной, только как-то более плотоядно, жадно, зрело.

Мы обе остановились в оцепенении. Если исключить меня и Марину, то вся сцена выглядела возбуждающе красиво. Эротично. Эти двое свободно, раскованно, умело, бесстыдно предавались плотским утехам. Собственно, чего им было стесняться? Они же нас не видели.

Я хотела тихонько улизнуть, но подруга остановила меня за руку. Всё напоминало нелепый сон. Мне и, правда, потом это снилось, и не раз.

Первой нашлась Марина. Она задорно крикнула Олегу:

– Полозовский, привет! Мы не помешаем?

У него была очень быстрая реакция. Олег стремительно встал, отстранил девушку и резко спросил:

– Вы что здесь делаете в это время?

– А что, нельзя? – задиристо продолжала Марина.

– Нельзя! – со злостью ответил Олег.

– Вот это ново! – не отступала Марина.

– Я сказал тебе, что буду сегодня занят? – сурово обратился любимый ко мне. – Куда сорвалась? Не сидится дома? Понесло приключения искать?

– Сейчас я действительно вижу, что ты очень-очень занят, – вполне мирно сказала я. – Мы уйдём, ты можешь продолжить. Пойдём, Марин!

– Нет, у вас, наверно, буду спрашивать, как мне поступать! – запальчиво и оскорбительно выкрикнул Олег.

Хорошенькая девушка неспешно и неохотно приводила себя в порядок, досадливо поглядывая на нас. Особа была привлекательной и грамотной в общении с противоположным полом. Я не имела к ней претензий. Мы были совершенно незнакомы. Скорее всего, она училась в другой школе или ПТУ.

Олег подошёл ближе и разразился гневной тирадой на тему, что не пристало приличным девушкам в сумерках бродить по лесу без сопровождения. Он выстраивал интригу по принципу «лучший способ защиты – нападение». Олежек раньше это утверждал, а теперь демонстрировал на деле. Я никогда не видела его таким раздражённым, несправедливым, грубым, но препираться мне не хотелось.

– Да уж, мы пойдём, – заявила Марина. – И чего только не привидится в сумерках в нашем лесу!

Незнакомая девушка присела на бревно, спокойно дожидаясь конца перепалки. Её длинные, позолоченные солнцем ножки отлично смотрелись на фоне опавшей листвы. Мне никогда не удавалось так ровно и красиво загореть.

Мы ушли, а Олег остался. Он не догонял, не звал. У него был очень сильный характер.

Я впервые испытала острую боль, унижение, ощутила отвратительную горечь и нехватку воздуха. В тот день всё безукоризненно чистое и светлое в моей жизни кончилось навсегда. Была потом и любовь, и выстраданное счастье образовалось, но безупречной непорочности не было. Ничто не вечно в подлунном мире. Всё имеет начало и конец.

Бледная луна и, правда, всходила на небосводе, когда мы подошли к подъезду. Равнодушная, холодная, зловещая луна. Я её отчётливо запомнила.

Мы не виделись до начала занятий. На яви я жила, как во сне, а ночью спала беспокойно, вскрикивала, украдкой плакала. Я походила на побитого жалкого котёнка.

Мама вопросительно смотрела на меня, но допросов не учиняла. Олег в нашем доме не появлялся, и она сама догадывалась о ссоре. Всей правды я ей открыть не могла. Язык не поворачивался, да и зачем?

Начало учебного года в школе ознаменовалось невероятным ЧП. Две десятиклассницы, наши одноклассницы, вполне милые девочки, не появились на уроках по причине крайних сроков беременности. Созвали большое внеочередное родительское собрание. Родственники девочек отсутствовали, зато все остальные папы и мамы выказали удивительную солидарность. Обсуждение вопроса длилось допоздна. Выступали учителя, врачи, директор и представители РОНО.

Моя мама ходила с Ираидой Борисовной, мамой Марины.

– Попью чаю? – предложила она, вернувшись домой. – Иди, дочь, накрой на кухне, я так устала!

Мы чаёвничали вдвоём. Папа уже лежал в постели. Он не считал нужным обсуждать скользкие темы. Папа полагал, что добродетельным девочкам всё должно быть и так понятно. Стоит ли в приличной семье разводить сыр-бор? Так думали многие родители.

Мама коротко, без излишних эмоций и огульных осуждений, изложила сухие факты. Я слушала маму и с удивлением думала, что не одна я экспериментировала, занимаясь плотской любовью с Олегом, ходила по краю пропасти, рисковала здоровьем. Мне казалось, что мы с Олегом единственные, у кого так сильна любовь!

– Анечка, слушай меня внимательно и запомни навсегда, – невозмутимо сказала мама твёрдым спокойным голосом. – Всё в этой жизни должно быть во время и в меру. Любовь хороша, но не безрассудная, без осложнений. У тебя будет когда-нибудь муж, красивая свадьба. А пока надо ещё учиться, получать профессию, наслаждаться молодостью. Превращение в женщину должно произойти празднично, законно, в приятной обстановке, а не украдкой в неподобающем месте. Удовольствия на пять минут, а расхлёбывать потом долго и противно. Как они, эти две глупышки, смогут своим детям объяснить, что рожали их, не окончив среднюю школу? Вся любовь выветрится, когда на неокрепшие плечи свалятся материнские трудности, боль, хлопоты, унижение! Всю молодость перечеркнули. Но даже если ты будешь неосторожна с парнями, оступишься, сделаешь глупость, то сразу скажи мне. Я – твой первый друг навсегда, чтобы не случилось с тобой. Твоё здоровье мне важнее. Поняла?

Внутри всё сжималось в комок. Мамины слова запали в душу и остались там навсегда. Видно, она постаралась вложить всю материнскую силу, любовь и энергетику в беседу со мной. Она меня немного отрезвила.

Размолвка с Олегом затянулась. За нами наблюдали с интересом: меня бесконечно спрашивали о нём то в школе, то во дворе. Все хотели понять, что же случилось. Появлялись сплетни, домыслы, и это тоже надо было как-то выдерживать.

Поняв, что оскорблённый журавлик не сделает шага навстречу, Олег приступил к действиям. Он подослал Жорку, с моими любимыми яблоками.

– Вы бы помирились, а? – канючил Жорка, стараясь выполнить задание на «отлично». – Ну, чего передать Полозовскому, Ань?

Я не ответила ничего определённого, но яблоки забрала, чтоб не обидеть Жорика. Я гадала, как поступить. Без Олежки было невыносимо тоскливо и непривычно жить, но забыть сцену в лесу не получалось.

На следующий день Олег подкараулил меня сам, по дороге в школу.

– Давай поговорим! – предложил он и протянул шоколадку.

– Давай не сейчас, после уроков, – дрожащим голосом вымолвила я.

Я была не готова. Сердце билось так бешено, что мне казалось, оно вот-вот разорвётся, и я упаду замертво.

После уроков Олег увёл меня в парк. Он целовал мне руки и колени, он говорил стихами и прозой. Он объяснял, что «такое» иногда случается, и это наваждение, глупость, которая не повторится. Мне так хотелось ему верить! И я легко уверовала.

Когда мы снова стали везде появляться вместе, меня удивил мой друг Литвинюк:

– Ну, и дура ты, Смолякова! – сказал он шёпотом во время урока. – Лапша с твоих ушей прямо так и свисает! Зачем тебе этот Полозовский?

– Сам ты, Славка, дурак, – беззлобно и ласково зашипела я на него. – А зачем тебе Маринка моя? Ну, скажи?

Он покраснел до корней волос и промолчал.

Вот так коротко мы обменялись мнениями с лучшим другом и соседом по парте.

Глава 7

Дети радуги и цветов

Мы все тогда слушали «Биттлз», «Роллинг стоунз», «Дип пёрпл», нечётко зная переводы песен и смутно понимая смысл. Мы носили протёртые джинсы, чаще самопальные, плели тонкие косички в распущенных волосах и милые цветные фенечки из ниток мулине, таскали вышитые крестиком холщовые сумки. Мы делали это безо всякой экзистенциальной философии. У каждого времени свои черты – вот и всё! Обычные советские дети играли модными атрибутами. Это было «хиппово», и мы понемногу «хипповали»! Мы просто модничали, забавлялись.

За рубежом культура хиппи развивалась в иной атмосфере. Они были пацифистами, протестовали против буржуазных ценностей, нравственности и называли себя «дети радуги и цветов». Смешалось всё: эпатаж, дерзость молодости, болезненный поиск себя, познание мира, недостаток воспитания и внимания со стороны занятых родителей. С годами многие хиппи уgomонились и зажили вполне благополучно. Ведь буржуазные ценности делают жизнь пленительно комфортной.

В своей среде истовых адептов «хипповой» эстетики и морали я не встречала, но стала отмечать, что мой любимый уже не довольствуется потрёпанными джинсами. У Олега появился длинный жилет из искусственного меха, казавшийся мне неопрятным, и холщовые мягкие рубахи, с символической вышивкой и бахромой по краям. Его любимый жест в те дни – выброшенные вверх два пальца в виде латинской буквы «V». Так он приветствовал друзей.

В конце сентября Олег исчез. Его родители не знали, где искать блудного сына. Он оставил дома только записку, чтоб не беспокоились. Я тоже пребывала в неведении, но чувствовала, что Олежка укатил далеко. Его всегда тянуло странствовать.

Он позвонил через неделю.

– Привет, журавлик! – услышала я сквозь помехи междугородней связи. – Я в Лазоревском. Надеюсь, ты меня не успела разлюбить?

– Где это, на юге? – удивлённо спросила я. – Что ты там делаешь? А учёба?

– У нас сейшн, – напыщенно и серьёзно ответил Олег. – Добирались сюда автостопом. Представляешь? Обратно также поедem. На дорогу дня три-четыре уйдёт.

Мне это ни о чём не говорило. Я только представила, как должно быть изнурительно такое передвижение. Пыль, инфекции, неудобства.

Он вскоре вернулся, но совсем другой. В него вселился весёлый и неутомимый чёрт. Улыбка была та же, те же руки, губы, а человек иной. Мы отныне зажили разной жизнью, продолжая всё же любить друг друга.

Я много занималась, готовилась к поступлению в политехнический институт, а Олег всё чаще исчезал без предупреждения. Возвращался он страстный, соскучившийся по моему телу, изголодавшийся по любви и поцелуям. Он утомлял меня смелыми исступлёнными ласками. Теперь любовь не тешила меня прежней светлой радостью, а обдавала пьянящей, ядовитой полынной горечью. Мы часто спорили, не приходя к согласию. Нам бывало трудно вместе, но и врозь невозможно. Мне случалось испытывать стыдливую неловкость за его странноватые выходки. Только наедине, когда он снимал свои «хипповые» причиндалы и шептал ласковые привычные слова, он был мой, прежний Олежка.

Именно в десятом классе с ним случилась ещё одна страшная беда. Это было в новогоднюю ночь. Во дворе у Литвинюка собралась большая компания. Планировали погулять

до двенадцати, встретить Новый Год и разойтись по домам – в семьи. Вокруг было шумно и весело. Взрывались хлопушки, звучал переносной транзисторный приёмник. Светились окна в домах, на улице мелькали знакомые приветливые лица. В какой-то момент я потеряла Олега из виду. С удивлением обнаружила его за углом дома, рядом со странным парнем в овчинном тулупе. Тот был старше нас, и изрядно пьян. Они о чём-то спорили.

Я окликнула Олега. Он махнул рукой, крикнул:

– Я через минуту, журавлик!

Но спустя минуту незнакомец убежал, а Олег неестественно корчился. Странный собеседник ударил Олега ножом в спину. Как потом оказалось, острое лезвие прошло глубоко, разорвало селезёнку и задело плевру лёгкого. Причину ссоры я не выясняла, не до того мне было. Олегу срочно требовалась скорая медицинская помощь.

Операция длилась пять часов. Я ходила по двору больницы, не ощущая мороза. Сидеть в коридоре на месте я не могла. Меня увёл отец Олега.

– Пойдём домой, деточка, – устало сказал он. – Нам всем надо отдохнуть. Пока Олег полежит в реанимации, потом мы будем навещать его, ухаживать. Силы надо сейчас беречь.

Подключились все: его родня, мои родители, друзья, учителя. Олежка держался мужественно и быстро поправлялся. Однажды, уже начав ходить, он увёл меня по больничным коридорам в какую-то комнатуху, возможно, подкупив кастеляншу. Там, на больничных простынях и одеялах он жадно целовал меня, очевидно, преодолевая боль во всём теле. Я робко подчинялась, потому что боялась за его послеоперационные швы. Я старалась быть осторожнее и не перечила.

Того парня в тулупе задержали и арестовали. Его осудили, но Олег почему-то просил судью назначить самый минимальный срок. Его позиция осталась загадкой для всех. Преступника приговорили к семи годам заключения, но в чем состоял конфликт, осталось тайной.

В последние дни лета, когда я сдала все экзамены в институт, Олег опять исчез. Сам Полозовский никуда не пытался поступать. Его мать, Беата Мариановна сказала мне:

– Всё, о чём я мечтала – ваша красивая свадьба с Олежкой. Я люблю тебя, как дочь. Ты очень славная девочка. Мой сын не для тебя. Он испортит тебе жизнь, он погубит тебя. Мы так страдали за него, а он не жалеет нас. Я многого тебе не рассказываю, чтобы не огорчать. После него всегда будет оставаться выжженная земля. Я его мать, мне никуда от этого не деться. Плохо воспитала, проглядела, перелюбила, избаловала. Прости нас, девочка, и устраивай свою жизнь без него. Мы всегда поможем тебе, если потребуется.

Я уже ясно понимала, что она права, но не представляла дальнейшую жизнь без Олега. Он приручил меня. Я смутно задумывалась о самоубийстве, но эти пагубные мысли владели мной недолго. Проблески разума, страх и жалость к своим близким вытянули меня из бездны отчаяния.

Как чутко должны родители следить за настроениями своих неоперившихся детей! Глупые влюблённые отпрыски иногда оказываются у самого края жизни, безотчётно стремясь к смерти. Памятуя о собственных переживаниях, я зорко наблюдаю за моей дочерью Машкой.

Мой любимый опять свалился, как снег на голову. Олег встретил меня около института, налетел вихрем, обнимая и целуя на виду у всех.

– Слушай, давай на выходные поедem в одно место! – как ни в чём не бывало, предложил он.

Этот парень никогда не испытывал неловкости и не считал себя неправым. Он был сын радуги и цветов, дитя свободы.

В субботу Олег повёз меня на электричке в какой-то пансионат. Место было странно-ватое, мало приспособленное для полноценного массового отдыха.

– Заведение скоро закрывают на ремонт, но мы договорились с персоналом, – пояснил он мне. – Нам разрешили тут расположиться на пару дней. За деньги, естественно.

Компания собралась человек тридцать, не меньше. Люди были разных возрастов, но одетые в стиле хиппи, то есть в имитацию рванины, расшитой яркими нитками. Моё появление никого не удивило. Видимо, они привыкли, что к ним время от времени кто-то присоединяется. Я держалась отстранённо, только рядом с Олегом. Завязывать новые сомнительные знакомства мне не хотелось.

Стояла чудная, романтическая погода. Я была рада подышать свежим воздухом. Сказывались усталость и напряжённость первых недель учёбы в ВУЗе. Вечная отличница, я не могла выполнять задания кое-как. Система обучения существенно отличалась от школьной, и я изводила себя до слёз, стараясь преуспеть с первых дней, рьяно штудировала учебники. Ко всему прочему, волей-неволей пришлось знакомиться с новым многочисленным вузовским окружением, вступить в иную систему отношений. Всё вместе вызывало некоторый стресс в юном организме. Олег оказался рядом – такой близкий и родной, знакомый мне до боли каждой складочкой кожи, каждым волоском. Привычное утешает. Я потянулась к нему, как былинка к ласковому весеннему солнцу.

Мы гуляли допоздна по пустынной территории пансионата, наскоро перекусили походному потом уединились в одном из номеров. Постельного белья не было, на кроватях лежали только одеяла. Пришлось обустраиваться в этой скудной обстановке. Однако, вскоре я расслабилась, привычно оттаивая под его умелыми чуткими руками музыканта.

О, он знал моё тело лучше меня самой! Он умел вызывать негу и упоение, вырывать возгласы восторга, совершая пальцами неспешное путешествие, сантиметр за сантиметром, в потаённые уголки. Олег целовал мне ступни. Смешными скрещёнными пальчиками он ласково играл, забавляя меня и себя. Олечка расправлял их, гладил, но они, упрямцы, упорно принимали неправильное, но удобное им положение. Мои недостатки вызывали в нём любовный восторг. Он исследовал их и искренне наслаждался. Сквозь полузакрытые веки я видела, как он наблюдает за мной, ловит мои содрогания, звуки, дыхание. При этом я оставалась девушкой! Он всё ещё берёт меня! Возможно ли не любить такого человека и не испытывать к нему благодарность? Я была не в силах бороться с искушением моей юной плоти.

Обессиленная, я крепко заснула в его объятиях. Ночью меня потревожили какие-то непонятные громкие звуки. За дверью, в коридоре происходило нечто необъяснимое. Грохот, смех, переходящий в дикое ржание, выкрики, музыка, треск, удары.

– Который час? – спросила я.

– Четыре, начало пятого, – ответил Олег. Он всегда спал с часами на руке, даже будучи обнажённым. Эта деталь почему-то всегда возбуждала меня дополнительно.

– А что происходит? – удивлённо спросила я.

– Ничего особенного. Поспи ещё, журавлик. Ребята просто веселятся, развлекаются, – невозмутимо пояснил Олег.

– Разве так развлекаются? Ведь это погром какой-то! – возмутилась я. – Ещё ночь не прошла.

– Ну, ты ещё пойдёшь, почитай им мораль! – засмеялся он. – Люди свободны в своём выборе! Ты хочешь спать, а им весело! Ты любишь тихо, а они шумно наслаждаются друг другом. Что тут плохого?

Я не разделяла подобных взглядов. Такая свобода граничила с анархией, развратом и бог весть, чем ещё. Уснуть я уже не смогла. Молча лежала, а он гладил меня. Часа через два всё стихло.

- Поедем домой, – в отчаянии попросила я Олега.
- Так ещё день впереди! – возразил он. – Вечером поедем, журавлик.
- Хочу домой, хочу домой, – негромко закапризничала я. – Хочу в ванну! Хочу к маме.
- Будет тебе ванна и мама в придачу, – тихо смеялся Олег. – А пока попьём чаю.

Хочешь?

- А где мы возьмём?
- Ты со мной, а значит всё возможно! – с видом волшебника заявил Олег.
- Он куда-то резво сбегал. Вскоре вернулся с ключами и повёл меня за собой.
- Мне дали ключи от столовой! – сообщил Олег. – Сейчас я тебя накормлю горячим!

В холле, где когда-то отдыхающие смотрели телевизор, прямо на полу сидели полураздетые парни и девушки! Они что-то тихо мычали, покачивались. У некоторых глаза были прикрыты, а у немногих наоборот широко раскрыты, даже будто выпучены. Зрелище показалось мне отвратительным.

Мы шли между людьми, словно между статуями. До нас никому не было дела, каждый пребывал в индивидуальном мире грёз.

– Не пугайся, – предостерёг меня Олег. – Ребята воспарили. Им хорошо! Порадуемся за них!

Я смолчала тогда, но чаша моего терпения переполнялась. «До чего можно дойти с этим человеком, если он уже спокойно привозит меня к отпетым наркоманам!» – лихорадочно думалось мне.

Мы наскоро поели. Олег раздобыл замызганный чайник, посуду, но меня ничего не радовало. Я чувствовала себя опустошённой. Чай из чашки с трещинкой казался невкусным, а вся обстановка омерзительной. Я не любила Олега в ту минуту, я тяготилась им. Между нами образовывалась пропасть.

Я опасалась, что он передумает уезжать, и терпеливо молчала. Разговорились мы только в пустынном вагоне электрички. В ранний час воскресного утра пассажиров было мало.

– Тебе не понравилось? – спросил Олег, обнимая и прижимая меня к себе. – Ты просто впервые столкнулась с детьми радуги, со свободными людьми. Они не связаны путами, свободны от общества. Привыкай! Не все люди живут по расписанию и по правилам. Не всем по душе порядок.

– Какие это дети радуги? – не выдержала я. – Что ты плетёшь? Очнись, Олег! Обычные наркоманы, прикрывающиеся какой-то нелепой философией. Образуемся, прошу тебя! Поступай в институт искусств, в музыкальное училище. Живи нормально! Пожалей своих родителей! Ты же талантлив!

– Я в здравом рассудке, – заявил он. – Я могу и без родителей обойтись, а они без меня. Я хочу поглядеть мир. «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!» Слушай, а поедем на БАМ! Я буду любить тебя в тайге!

– Какой БАМ! – я уже не могла спокойно слушать. – Я учусь в институте. На БАМе люди строят железную дорогу. Там нелегко, там холодно! Ты же не сможешь так работать. Что будешь делать? Песни будешь им петь?

– Слушай, давай поженимся? – вдруг предложил Олег. – Хочешь? Сделаем, наконец, тебя женщиной! Я так мечтаю проникнуть в твою горячую норку! О-о, я сейчас с ума сойду! Скажи, ты моя? Ты моя, до конца?

– Поженимся, будем грызть корочку хлеба или тянуть деньги у родителей? – усмехнулась я.

- Я всегда найду тебе деньги! – гордо заявил он.

Всякой девушке лестно принимать предложение руки и сердца, но мне в тот момент было мучительно больно. Рушилась, рассыпалась на осколки моя первая любовь! Я ещё

не научилась жить без Олега, но и с ним мне было не по пути. Мы перестали понимать друг друга!

– Нам надо расстаться, – тихо сказала я.

– Слушай, я понял, – сказал Олег крайне заботливо. – У тебя разболелся зубик. Я же помню про твой коренной внизу, справа. Он у тебя всегда ноет, когда ты ноги застудишь. Надо было ночью спать в тёплых носках. Надо, пожалуй, удалить этот зуб, в конце концов. Пошли завтра же к стоматологу!

Я побаивалась лечить зубы, и Олег водил меня к врачу буквально за руку, если требовалось. Ему даже разрешали сидеть рядом в кабинете. Он мог пролезть куда угодно. Как, как мне было отвадить себя от этих удобных привычек? Олежка опутал меня собой везде. Я прикипела к нему, я срослась с ним...

– Мне не зуб надо удалить, а тебя из моей жизни! – я впервые заговорила резко и смело.

– Хочешь немного побыть без меня? – спросил Олег, не понимая до конца сути моих слов. – Пожалуйста! Уважу твои желания. Сколько дней мне не появляться? Скажи? А потом радостно встретимся! Журавлик, ты уже большая девочка у меня становишься! Ой, что будет дальше! Что придумает наша Анечка? Какие в её прелестной головке рождаются капризы! Я всё для тебя исполню.

– Не ёрничай! – прервала я его. – Я хочу расстаться с тобой навсегда.

– Как это? – изумился Олег. – Ты без меня?! Ну, уж дудки! Я столько берёг тебя, лелеял, и что? Чтобы какой-нибудь институтский очкарик воспользовался моей сладкой девочкой? Этого не будет.

– Ты что несёшь?! – возмутилась я.

– Анька, – твёрдо сказал Олег. – Лучше не зли меня. Я исчезну пока на время, но ты – моя. Только моя. Поняла?

Я заплакала. Он ласково вытирал мне слёзы, как всегда, но наше отчуждение уже началось.

Явное между строк

За окном зимний день набирал силу. Рассеялась зябкая хмарь холодного утра, и проглянуло озорное солнце. Что-то весеннее уже грезилось в его лучах.

Я так долго говорила, что пересохло в горле. Я умолкла и выпила глинтвейну. Моя Марина умница. Такой изумительный напиток я пробовала только однажды, в январской Праге, где мы были вместе мужем. Каждую зиму, сразу после святок, когда впереди маячит февраль, отчаянно хочется дружной и тёплой весны! Но самый короткий и неласковый месяц в году всё равно неизменно наступает. Его надо пережить, перемочь и как-то скрашивать бытиё. Глинтвейн придуман именно в такие дни, я уверена.

– Да, верно Олежкина мать тебе сказала, что после него только выжженная земля остаётся, – вздохнула Марина. – У вас бы не получилось ничего! Даже страшно подумать, как бы ты настрадалась, живя с ним! Как хорошо, что ты отделалась от него!

– Но зато – какой ценой! – напомнила я подруге. – Ты вспомни, что дальше было!

– Знаешь что?! С ним рано или поздно произошло бы что-нибудь подобное, – высказала Марина. – Таких людей ничего не остановит. В нём чёрт сидел. Одержимость – страшная штука. Мальчиш-плохиш по жизни.

– Странная штука, эти плохиши почему-то по молодости так тянут к себе!

– Да, мне знакомо это наваждение не понаслышке, – задумчиво согласилась подруга. – Слушай, пойдём в гостиную. Я что-то покажу!

В небольшой гостиной Филимоновы завершали окончательную отделку. Марина плотно задёрнула непрозрачные шторы, щёлкнула выключателем. Люстры не было. Мягкий

свет заструился по периметру всего потолка, возникая из-за декоративной панели, которая скрывала точечные светильники.

– Здорово! – восхищённо одобрила я.

– А теперь смотри!

Она выключила свет. Наверху, в тёмно-синем квадрате, слабо проявились и заблестели мелкие звёздочки.

– Звёздное небо! – сообщила довольная хозяйка.

– Маринка, как я рада за тебя, – искренне сказала я. – Какой у тебя Коля!

– Ему мой братишка Вова помогал. У обоих – руки золотые! – гордо похвалила Марина своих родных мужчин.

Она раздвинула шторы и впустила солнечный свет. Комната стала прежней.

– Марин, это для тебя. Вот такая семья – это твоё. Ты достойна, ты заслуживаешь, – трепетно увещевала я подругу. – Все твои житейские и художественные таланты нашли достойное применение. Коля твой – золото! Пусть будет здоров долгие годы. Такой славный мужик!

– Чего торопимся-то с отделкой гостиной? Пятьдесят лет ведь ему скоро. Так что выпьем скоро за его здоровье от всей души, – сообщила Марина.

– Я и забыла совсем! Он ведь нас старше! – спохватилась я.

– Да и сами уже не девочки давно, – усмехнулась Марина.

– Но ещё бабоньки хоть куда, если нас пока любят, а, Мариш?

– А то! – быстро согласилась Марина, шутливо поправляя свои груди.

На стене, над новым диваном висел семейный портрет Филимоновых, оправленный в тонкую металлическую раму. Ярче всех выделялась Юлька, будто диковинный цветок в простом огороде. Она стояла позади сидящих родителей, не похожая ни на кого. В статике, на фотографии это бросалось в глаза! Марина перехватила мой взгляд.

– На Юльку смотришь? – догадалась она. – Я сегодня повесила. Коля ещё не видел. Шурпы вкрутили, думали, может, картину какую-нибудь разместим.

Что, лучше снять?

– Марина, я боюсь советовать, – тихо вздохнула я. – А Юлька сама не спрашивает ничего?

– Нет, – ответила Марина. – Пока нет. Права была твоя мама, когда говорила, что удовольствия на пять минут, а расхлёбывать долго и мучительно. Практически всю жизнь трясусь. Только успокоишься, так нет, опять проявится ошибка молодости. Пошли, еще, что ли выпьем? За Колю моего. Ты как, ничего?

– Отлично. Давай!

Мы опять направились в столовую.

Глава 8

Тайна рождения Юльки

Два заметных события совпали в жизни Марины. Она отвергла Славу Литвинюка и поступила в политехнический институт. Марина смело шагнула вперёд, готовая к новизне. Родители убедили дочь, что её ожидают интересные события и знакомства. Они оказались правы.

Общительная, яркая и озорная, Марина легко обрела новых друзей. Мы опять оказались в одном учебном заведении, только она на курс младше. Именно в её вузовский первый год мы реже виделись и мало общались по причине несовпадения поездок наших групп на практику и в колхозы. Студенческая жизнь кипела. Нас отправляли на производственную практику, на стройки, на сбор урожая. Мы успевали ставить спектакли, танцевать на дискотеках. Конечно же, ещё мы сдавали чертежи, проекты, зачёты... Всё клубилось.

Каждая встреча с Мариной превращалась в обмен личными новостями. Однажды, после двухмесячной практики в городе Тольятти, Марина гордо сообщила:

– Я рассталась с девственностью! Совсем не страшно! Зато теперь вокруг меня всё изменилось!

Я бережно спросила:

– С тобой всё в порядке?

– Все просто здорово! Ты лучше спроси, кто он, мой первый мужчина! – нетерпеливо потребовала она.

– Так кто же этот счастливец?

– Его зовут Игорь Мазур! Вслушайся, какая музыка в имени!

– Кто он, откуда?

– Он из Харьковского авиационного института. Мы познакомились в Тольятти на пляже. Представь, мы с девчонками загораем, такие юные вчерашние первокурсницы, а они, харьковчане, нарисовались рядом с нами. Взрослые парни, орлы! Уже на преддипломной практике!

– И что дальше?

– Ах, Анька, он такой красивый и чувственный! Всё было восхитительно! – Марина закружилась по комнате.

– А где теперь этот чувственный?

– В Харькове, естественно. А ты на что намекаешь? Вот только нотации мне читать не надо, ладно? У меня мамочка для этого имеется! – возмутилась подруга.

– Ну, что ты! – примирительно сказала я. – Не дуйся, как пузырь. Мне главное, чтобы у тебя всё обошлось без последствий. А ты любишь его?

– Так, у тебя точно в голове моральный кодекс молодого строителя коммунизма! – рассмеялась Марина. – Ты у нас всё учишься, учишься, как синий чулочек. Совсем забыла, как кокетничать. Мне даже папа говорил на днях: бери пример с Ани! Отличница, комсорг потока! Все преподаватели от неё в восторге! Курсовые сдаёт досрочно! А я знаешь, что сделала, чтобы он не выступал?

– Что?

– Повесила твою фотографию над письменным столом! Пусть отец успокоится! Как только замечтаюсь, так смотрю на тебя. Ты на ней такая красна девица, коса через плечо. А в глазах вселенская печаль, – язвительно выдала мне Марина. – Ты смотришь на меня с укором, а я стараюсь взять с тебя пример в учёбе. А ты с меня бери в сексе! Повесь мою фотку! Ой, смотри, Анька, заржавеешь!

– Слушай, перестань так грубо надо мной смеяться! – грустно попросила я.

– А я и не думала. Пошли, покажу твой портрет.

Мы направились к ней. Марина действительно пришила на обои мою маленькую фотокарточку. Я снималась вскоре после возвращения из злополучного пансионата и ссоры с Олегом в электричке.

– Смотри, какой ты тут симпатяшечка! – веселилась Марина. – Зря мы тебе косу твою тогда отхватили.

После размолвки с Олегом мне страстно хотелось что-то изменить. Решила начать с внешности. По моей просьбе мама и Марина подстригли мне волосы чуть ниже плеч и сделали густую чёлку над глазами. Изменив свой облик, я испытала странное облегчение, словно рассталась с тягостным наваждением. Через пару дней пошла в парикмахерский салон. Там мастера поправили мне причёску. Я рассталась с Олегом, укоротила волосы, но мне казалось, что, будто тогда и кожу с меня содрали заживо – так мне было больно. Постепенно боль затихала. Образовывалась новая слабая кожа. Мне нужно было заново учиться выстраивать отношения с противоположным полом.

– Знаешь, какие у меня теперь бывают фантазии? – не унималась возбуждённая Марина.

– Какие?

– Представь, вот идёт Владик Полищук из нашей группы. Помнишь его? Самый высокий парень.

– Помню. Симпатичный, – согласилась я. – И что?

– Он подходит ко мне, мы болтаем о том, о сём, а я про себя думаю: каков он в постели? Знаешь, мне теперь хочется испытать самые разные ощущения! Но больше всего меня тянет к тем, кто старше, взрослее, опытнее, – призналась Марина.

Её неукротимая чувственная тяга привела к сближению с одним молодым мужчиной, имя которого Марина скрывала даже от меня. Я лишь знала, что он работает в нашем институте в одной из исследовательских лабораторий. Почему Марина таила его от всех, я не понимала, но не выпытывала.

Однажды она пришла ко мне субботним вечером и попросилась заночевать. Мы часто так делали в детстве.

Ночью в постели Марина вдруг прижалась ко мне и расплакалась. Оказалось, что она беременна. Мой сон как рукой сняло. Мы сели обсуждать проблему.

– Я уйду из дома! – горячилась подруга.

– Что ты городишь, дурочка! – возразила я. – Куда ты собралась? К нему?

– Нет. В общежитие.

– Не понимаю. Ты ему сказала?

– Сказала.

– Ну, а он?

– Промямлил что-то и исчез. Растворился в пространстве!

– Ну, растерялся человек. Бывает. Позвони, поговори. Почему вам нельзя просто пожениться? Родишь ребёнка, а в институте учиться мы все тебе поможем. Я все курсовые работы за тебя сделаю!

– Не буду я за ним бегать. Месяц уже прошёл, как я ему всё сказала. Он избегает меня. За таких трусов замуж не выходят! Может, его милицией прикажешь пугать?

– Да, с этого начинать семью нельзя! – согласилась я. – Послушай, Маришка, не считай меня за тупую моралистку, но объясни, как же так вышло? Ты же говорила, что всё умеешь? Где же твоя хваленая осмотрительность?

– Как-то так вышло, – с досадой сказала она. – Бдительность потеряла. А потом мой обаятельный гад нащёпывал постоянно, мол, не бойся, если что, то сразу поженемся. Я,

говорит, детей обожаю. Профессорский сынок! Такой жених обязательно бы понравился моим мамочке с папочкой! Но, видно, не судьба им порадоваться! Ты уж не ругай меня особенно. Я сама себя наказала.

– Ругай, не ругай, а делать что-то надо. Биологические часики тикают. А если аборт? – робко высказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.